

Дарья Донцова

Муха В самолёте

Вячеслав Тараканов
в мире преступных страстей

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Донцова
Муха в самолете
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 13

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126553
Муха в самолете: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-11877-2

Аннотация

В канун Нового года все несчастья мира свалились на бедную голову Виолы Таракановой! Сперва наглая сотрудница издательства, где печатались мои детективы, заявила, что я смертельно всем надоела. Прощай, слава! Да еще мой муж Олег после ссоры выскочил из дома с воплем «Развод!». С горя я нанялась работать... Снегурочкой при Деде Морозе. Вообще-то, деда зовут Васей, и он крепко любит поддать. На его машине мы объехали всех клиентов, но к последнему визиту он вырубился, и я понеслась разруливать ситуацию. Похоже, нас в этой коммуналке никто не ждал, в квартире были только три пьяные тетki и их соседка Ася, которая любезно пригласила меня выпить чаю. Пока я мыла руки, Асю кто-то хлопнул. Со скоростью пули я вылетела на улицу, довезла пьяного Деда Мороза домой, далее... мрак. Очнулась я в квартире у Васи через два дня.

Побежала мириться с мужем, но нашла в своей постели чужую бабу в неглиже. Ужас! Но я еще задам всем перцу – расследую убийство Аси и напишу бестселлер! А неверный Куприн будет на коленях умолять меня вернуться...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	51
Глава 6	67
Глава 7	77
Глава 8	91
Глава 9	104
Глава 10	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Дарья Донцова

Муха в самолете

Глава 1

Неприятности никогда не приходят внезапно. Добрая судьба всегда посылает нам предостережения, иногда завуалированные, в виде вещих снов или странных предчувствий, либо откровенно прямые, но большинство людей просто не понимают, что Мойры их решили предостеречь, и отмахиваются от этих знаков, словно от назойливых мух. Я сама не раз игнорировала такие намеки и бывала наказана. Далеко за примером ходить не надо. Не так давно я собралась пойти в издательство и обнаружила, что в моей квартире заклинило входную дверь. Я и так и эдак вертела ключ в замке, но дверь не собиралась открываться. Нет бы мне сообразить: добрый ангел-хранитель предостерегает Виолу Тарakanову, то бишь писательницу Арину Виолу, не высовывать нос на улицу. Что стоило внять предостережению, полученному свыше! Ан нет! Я твердо решила достичь поставленной цели и, вместо того чтобы преспокойно усестся у телика, позволила папеньке и устроила скандал.

Не прошло и получаса, как рукастый Ленинид примчался ко мне и справился с замком, я понеслась к метро, попа-

ла каблуком в выбоину на тротуаре, сломала его и чуть не зарыдала от злости. Наверное, другой женщине пришла бы в голову простая мысль: две неприятности подряд – это уж как-то слишком, кто-то явно предостерегает меня, предлагает остаться дома. Но я, закусив удила, с тупым упорством решила двигаться к издательству и побрела в «Марко» на цыпочках.

Ну и чем закончилась моя затея? На станции «Войковская», выйдя из вагона, я налетела на старушку – толпа, вытекающая из поезда, толкнула меня, вот я и не удержалась на ногах.

– Извините, – пролепетала я, подхватывая падающую бабюлю, – ей-богу, это не нарочно!

Старушонка ничего не сказала, и я было подумала, что незначительный инцидент исчерпан, но тут откуда-то сбоку вырулил здоровенный бугай и заорал:

– Мамонька! Она тебя убила!

– Убила, сыночек, убила, – мигом запричитала пенсионерка, – вон, телефон сломала!

Мужик двинулся на меня.

– А ну, покупай мамоньке новую трубу!

Я удивилась и попыталась спокойно объяснить ему:

– Я всего лишь слегка задела вашу маму.

– Вашу маму? – взвился здоровяк. – Ты еще и ругаешься!

Вокруг нас мгновенно собралась толпа, тут же прибежал парень в форме и оттащил участников происшествия в отде-

ление. Там бугай наврал с три короба. По его версии получалось, что я сшибла бабуську, та, упав, разбила: лицо, зубы, очки, телефон; выронила кошелек с десятью тысячами долларов и потеряла из ушей антикварные бриллиантовые серьги – семейное достояние, передающееся от матери к дочери на протяжении многих веков.

Я захлопала глазами и закричала:

– Он врет! Старушка лишь слегка покачнулась, и потом, я сильно сомневаюсь, что она имела при себе все вышеперечисленные деньги и украшения. Только сумасшедшая станет раскатывать в подземке с такими суммами!

– Докажи обратное! – взревел бугай.

Милиционер, похоже, сочувствовал мошеннику, и мне пришлось вызвать в отделение Олега.

Муж приехал лишь через пару часов, и все это время здоровяк и мент «ломали» меня. Сначала огромный мужик потребовал:

– Гони деньги, живо!

Я растегнула кошелек и вытащила сто рублей.

«Потерпевший» обозлился:

– Ну сейчас милиция ущерб оценит, поедем к тебе домой! Придется заначку распатронивать.

– Сядьте, гражданин, – нарочито официальным голосом велел милиционер и тут же поинтересовался: – Мобильничек какой разбила?

– Супернавороченный, – мигом ответил дядька, – исклю-

живная модель, стоит две тысячи евро, купил мамочке два дня назад, хотел на Новый год подарить, да не утерпел, отдал раньше.

Дежурный положил ручку, взглянул на меня и тихо сказал:

– Может, дело миром уладим? Съездите домой, я вам сопровождающего дам, возьмете денежки. А то ведь дело на хороший срок потянет.

Тут до меня дошло, что, скорее всего, этот трюк, бабушка – сынок – мент, давно отработан мошенниками.

– Ничего я вам не привезу, – заявила я, – сейчас мой муж появится, с ним и разбирайтесь, он у нас по деньгам главный.

Бугай хмыкнул, а дежурный окинул взглядом мое не слишком новое зимнее пальто и кивнул:

– Ладушки, подождем парня.

Представляете себе выражение лица мерзавца, когда в небольшую комнатку ввалились Олег и Славка Ремизов. Они предъявили служебные удостоверения, мошенники перепугались почти до потери пульса. Бугай мигом испарился, мент попытался порвать протокол, но Славка схватил оборотня за руку...

Короче говоря, в издательство я не попала, а Куприн и Ремизов до вечера разбирались с парнями, которые зарабатывали нехилые деньги, обманывая и пугая наивных теток. Самое интересное выяснилось позже: «бабушка» была моложе меня, седые волосы оказались париком, а морщины и дряб-

лая кожа – мастерски нанесенным гримом.

– Все люди как люди, а от тебя сплошные неприятности, – сердито заявил Олег, когда мы вернулись домой.

– Ты же видел, они мошенники, – попыталась отбиться я, – выбирали в толпе пассажиров подходящую кандидатуру и «ощипывали» ее. Кто-то сразу «отступные» платил, но были и такие, что домой ехали, и тогда в руки мерзавцев попал особо крупный куш.

– Интересное дело, – продолжал злиться муж, – почему это из сотен пассажиров они остановили взгляд именно на тебе? Вот Славкина жена Нинка спокойно по городу ходит, к ней никто не привязывается. А ты вечно в неприятности вляпываешься: то твою сумку разрежут, то цыганки кошелек вытащат, теперь еще к «разгонщикам» попала. Что у тебя в лице есть такого, а?

Я отвернулась к окну. Нинка Ремизова в юности была капитаном баскетбольной команды, потом вышла замуж за Славку, родила ему кучу детей и сейчас при почти двухметровом росте весит сто пятьдесят килограммов. Ну и как вы думаете, станут с ней связываться воришки и мошенники? Ясное дело – нет, ежу понятно, коли Нинок двинет локотком, так и убить ненароком может.

– Впрочем, зря я задал вопрос, причина у тебя на лбу написана, – раздраженно продолжил Олег, – глупость в обнимку с тупостью. Шла небось разинув рот. О чем ты думала? Сюжет очередного детективчика плела?

Вот тут я разозлилась и парировала удар:

– Лучше размышлять о книгах, чем соображать, как разобратся с висяками. Между прочим, в моих, как ты выразился, детективчиках всегда есть логичное объяснение происходящему. А в твоём отделе частенько не дорываются до истины. Ну-ка, нашли вы, кто убил Виноградову?

Услыхав о деле, над которым безуспешно ломали голову специалисты, Куприн посинел, разинул рот и...

Скандал у нас получился феерический, такого еще не случилось ни разу. Обычно, если Олег или я начинаем беседовать на повышенных тонах, тут же появляется Томочка и быстро задувает пожар. Но в тот день мы, вот уж редкость, были дома совершенно одни. Семен, Томуся, Никита и Кристина уехали в подмосковный дом отдыха, купили путевки на десять дней. Мы с Олегом должны были присоединиться к ним 31 декабря, чтобы весело справить вместе Новый год.

Поэтому сейчас нам никто не мешал ругаться. Сначала Олег заявил, что жена «лентяйка, безалаберное существо, отвратительная хозяйка, думающая лишь о глупостях». Я обиделась и ответила:

– Кстати, эти глупости, то есть мои книги, кормят семью.

– Всего-то два раза хороший гонорар получила, а уже пальцы растопырила, – зашипел Куприн.

– Не два, а четыре, – напомнила я, – лучше вспомни, на какие деньги ты смог иномарку купить, а? Именно из моих гонораров нужная сумма накопилась, твоя зарплата целиком

на еду уходит!

Олег скрипнул зубами.

– Ты Салтычиха! – внезапно заявил он.

Можно я не стану вам пересказывать весь скандал? Закончился он ужасно, Олег схватил дубленку и выскочил из дома с воплем:

– Развод!

Я побегала по пустой квартире, потом неожиданно заснула, прокемарилась почти до полудня следующего дня, зевая, вылезла на кухню и вдруг сообразила, что вчера в издательство так и не попала, а ведь меня там ждут с названиями для новой рукописи.

Я схватила телефон. Моя редактор Олеся Константиновна, увы, теперь сидит дома с ребенком. Вернее, я очень рада, что у Олеси родился сынишка. Как Виола Тараканова я пришла от этого известия в полный восторг, но писательнице Арине Виоловой стало очень трудно. Немногословная, спокойная, никогда не рвущая волосы ни на своей, ни на чужой голове, Олеся тащила огромный воз, набитый рукописями. Непостижимым образом она всегда ухитрялась вовремя прочитать их, исправить и сдать в производство. Говорят, даже в преддродовой палате она читала очередную Смолякову. Кстати, с Олесей произошел совершенно анекдотический случай. Едва родив сынишку, она схватилась за новую повесть Милады. Рукопись следовало быстро отредактировать, издательство крайне заинтересовано в книгах Смоляковой,

а Милада, милая голубоглазая блондинка, с самой ласковой улыбочкой заявила хозяину «Марко»:

– Мои детективы будет править только Олеся, больше никому свои романы не доверю. Олеся в роддоме? Значит, книгу я вам не сдам.

Вот поэтому бедная Олеся Константиновна отправилась рожать в обнимку с очередной нетленкой Милады и, едва оправившись, схватила за ручку, дабы облагородить очередной опус детективщицы.

Муж Олеси устроил любимую жену в боксе (это такой отсек из двух комнат, между которыми находится санузел). Олеся лежала в одной палате, а вторую занимала дама, за которой ухаживала очень активная, говорливая мамаша.

Поработав над рукописью, Олеся решила отложить стопку бумаги на тумбочку, и тут в комнату заглянула та самая болтливая мать соседки.

– Вам ничего не надо, деточка? – спросила она.

Очевидно, дочь тетки заснула, и даме было некуда направить льющуюся через край активность.

– Спасибо, – ответила Олеся, – все в порядке.

Она надеялась, что дама уйдет, но та и не собиралась покидать палату.

– Ой, вы совсем одна!

– Муж поехал кроватку покупать, – спокойно пояснила редактор.

– Ой, вам скучно!

– Нет, – попыталась отбиться Олеся, – мне просто замечательно!

– Вы грустите!

– Нет, все чудесно.

– Ой, я сейчас!

Не успела Олеся охнуть, как дама метнулась в соседнее помещение и мигом вернулась, держа высоченную стопку книг.

– Вот, дорогуша, – радостно заявила она, – почитайте. Ей-богу, вам понравится, развеселитесь, про печаль забудете. Что же вы с собой книжечек не прихватили? Кстати, знакомы с этим автором? От души рекомендую!

Из груди Олеси вырвался протяжный стон. Суетливая дама протягивала бедной редакторше десяток томиков Смоляковой. Представляете, как обрадовалась несчастная молодая мать, только что отложившая рукопись Милады? Все принесенные романы она лично довела до ума и знала их почти наизусть.

Но я не Смолякова, в произведениях Арины Виоловой «Марко» не слишком нуждается, поэтому моими рукописями теперь занимается девушка по имени Фира. Пообщавшись с новым редактором пару раз, я пришла в глубочайшее изумление: ну с какой стати «Марко» держит такого работника? Сдав новую книгу Олесе, я через некоторое время получала список недочетов, которые следовало устранить. Олеся Константиновна никогда не подсмеивалась надо мной и

не выражалась туманными фразами, Фира действует иначе.

– Ваша книга мне категорически непонятна, – заявила она сразу после нашего знакомства.

– Да? – испугалась я.

– Чушь какая-то, – скривилась Фира, – на пятнадцатой странице пропала собака, а на сорок восьмой ее вроде видели.

– В конце книги есть объяснение этому факту, – напомнила я.

– Я еще не дочитала до эпилога, – сообщила Фира, – но уже непонятно и не нравится. Пишите лучше.

– Давайте исправлю, – предложила я.

– Нет необходимости, так выйдет. Пишите лучше.

– Как? – растерялась я.

– Лучше.

– Вы что имеете в виду?

Фира закатила глаза:

– Ну... я, если бы время нашла, написала книгу по-другому, лучше, то есть талантливее. Только я вынуждена чужое барахло править, в общем, работайте над собой.

Сами понимаете, что после подобного разговора желание общаться с Фирой у меня испарилось навсегда. А еще моя нынешняя редакторша страшно необязательная, постоянно болеющая девица. То у нее проблемы с зубами, то с ушами, то голова болит. Наверное, по этой причине лицо Фире не покидает недовольная гримаса, а в голосе слышится не вы-

сказанная вслух фраза: «Как вы мне все надоели».

– Алло, – донеслось из трубки.

– Фира?

– Да, – буркнула девчонка и отчаянно закашляла.

Все понятно, теперь у нее бронхит, зато она перестанет жаловаться на сердце и гастрит.

– Арина беспокоит. Моя...

– О-о-о, – перебила меня Фира, – опять вы!

– Ну да, – слегка растерявшись от откровенного хамства, ответила я. – А что? Я так вам надоела?

– До смерти, – сообщила Фира, – хватит трезвонить! Вы всех уже до обморока довели.

На какое-то мгновение я оцепенела, но потом, собрав всю волю в кулак, прошептала:

– Хотите сказать, что моя книга...

– Послушайте, – перебила меня Фира, – в «Марко» подобрались одни мямли, неспособные сообщить человеку правду. Но я, слава богу, другая. Вы абсолютно бесталанный человек, прекратите шлаться по коридорам издательства, вам просто не могут сказать: «Оставьте нас в покое». Рукопись ужасна, в ней...

Я отбросила трубку, как ядовитую змею. Странно, но слез не было. Наверное, потому, что я давно ожидала подобной отповеди, считая, что занимаю чужое место: Виоле Таракановой лучше было не начинать писать детективы, Арина Виолова тихо скончалась, над ее могилой не прозвучал салют

и не стали рыдать толпы фанатов. Следовало признать: стезя прозаика не для меня.

Не успела в душе утихнуть буря, как раздался звонок, я осторожно взяла трубку и, приготовившись к очередным неприятностям, спросила:

– Кто там?

– Сто грамм и огурчик, – ответил Ремизов, хихикая. – Ну ты даешь! Кто же так разговаривает?

– Ты позвонил мне, чтобы преподать урок ведения беседы по телефону? – обозлилась я.

– Экая ты злая, – вздохнул Славка, – ясно теперь, почему Олег разводиться надумал. Я-то, дурак, решил тебя успокоить, сказать: «Не переживай, Вилка, Олег пока у меня, Новый год встретим вместе». Ну не хочет он тебя видеть, ничего, потом помиритесь. А ты как собака: гав-гав. Нет бы подумать головой: кому ты нужна с таким характером? Писательница, блин.

Я снова отшвырнула телефон, похоже, год заканчивается просто замечательно, разводом. И потом, Славка ошибся, я больше не писательница, а так, не пришей кобыле хвост. И что делать?

Главное, не зарыдать! Слезы потоком хлынули по щекам, я побежала в ванную и больше часа редела, облокотившись на рукомойник. Потом, кое-как успокоившись, уставилась в зеркало, обзрела распухший нос, глаза-щелочки и попыталась начать мыслить. Что делать? Ясно одно, Томочке пока

ничего сообщать не надо, подруга расстроится, и все празднование Нового года пойдет насмарку. Ладно, про ситуацию в издательстве Томуся узнает не сразу, в принципе я могу полгода помалкивать о том, что мне дали от ворот поворот, но как объяснить отсутствие 31 декабря за праздничным столом Олега? Сказать: «Куприн заболел»?

Томуська всплеснет руками и ринется лечить его. Наврать: «Олега оставили дежурить на работе»? Семен моментально начнет звонить другу на мобильник, желая принести свои соболезнования. Куда ни кинь – везде клин.

Я вернулась в спальню, рухнула на кровать и в ту же минуту опять вскочила, потому что на тумбочке начал возмущаться телефон. Взяв в очередной раз трубку, я прошептала:

– Слушаю.

– Вилка, – слышался голос Тamarочки, – что поделяваешь?

Собрав все отпущенные мне господом артистические способности, я с фальшивой радостью заявила:

– Сiju в полной тишине, дописываю рукопись.

– Не скучаешь?

– Нет, что ты.

– Все в порядке?

– Абсолютно!

– Ну-ну, – протянула подруга.

– Почему ты интересуешься моим настроением? – настояжилась я.

В голову внезапно пришло простое соображение: вдруг Олег позвонил Семену и сообщил о предстоящем разводе?

– Понимаешь, – смущенно забубнила Томуська, – тут такая штука...

– Какая? – встрепелась я. – Говори!

– Ты не обидишься?

– Нет. Что произошло?

Тамарочка заговорила. Чем дольше она излагала новости, тем яснее я понимала: наконец-то мне повезло.

В доме отдыха Сеня неожиданно наткнулся на своего давнишнего приятеля Петра. Теперь Петя владелец крупного турагентства, богатый, но одинокий человек, ни жены, ни детей, ни близких друзей у него нет. Увидав Сеню, Петя обрадовался до потери пульса и тут же предложил встретить Новый год вместе, на Кипре. Он решил подарить семье вновь обретенного приятеля путешествие.

– Мы отказывались как могли, – лепетала Томуся, – но он такой прилипчивый, прямо пластырь. Сегодня приволок билеты, а когда Сеня сказал, что мы хотели праздновать Новый год в Подмосковье с родственниками, заявил: «Ладно, значит, я тебе не нужен. Хорошо, прощайте, пойду повешусь!» В общем, Сеня сейчас у этого идиота в номере сидит, а я не знаю, как поступить!

– Езжайте на Кипр! – заорала я.

– А вы?

– Встретим праздник вдвоем!

– Правда?

– Точно! Давно мечтали об этом, – samozабвенно врала я, убеждая подругу. – Кипр – это классно, Крестя будет в восторге.

Итак, большая половина нашей семьи улетела в Ларнаку, я осталась одна, от Олега на следующий день не было ни слуху ни духу. Сам он не звонил, а я тоже решила проявить твердость характера. В конце концов, я не сделала ничего плохого, стала жертвой мошенников и вместо сочувствия и утешения услышала от супруга вопль: «Развод!»

Из издательства тоже не было вестей, похоже, в «Марко» поставили крест на писательнице Арине Виоловой. По всем статьям выходило, что я оказалась в полете, как муха в самолете. Надо использовать двухнедельное отсутствие домашних, чтобы найти работу, я категорически не умею сидеть на чужой шее.

Глава 2

Жизнь полосатая, извините за банальность, но это чистая правда. Проснувшись утром, я подумала, что плакать не о чем, сбегала к метро, купила газету бесплатных объявлений, вырезала из нее купон и, старательно написав: «Опытный преподаватель немецкого языка. Недорого. Езжу в любой конец Москвы», хотела вновь нестись на проспект, чтобы бросить конверт в почтовый ящик, но потом передумала и решила сначала выпить кофе, а затем лично отвезти объявление в редакцию и попросить, чтобы его побыстрее опубликовали.

Поставив перед собой чашку с арабикой, я от скуки стала просматривать страницы только что купленной газеты и наткнулась на большое объявление: «Предлагаем работу Деда Мороза и Снегурочки. Оплата сдельная». Я моментально расплескала кофе. Нет, не зря умные люди говорят, что из любого безвыходного положения непременно найдется выход. Сейчас поеду в это агентство, узнаю, что к чему, в конце концов, роль Снегурочки несложная, вот и работа на то время, пока не появятся ученики.

Я хотела уже бежать одеваться, но потом окинула взглядом стол и решила написать мужу письмо. Олег не хочет разговаривать со мной, перебрался к Славке, не звонит, не приезжает домой, но в конце концов он явится, хотя бы за одеж-

дой, и не факт, что в этот миг я окажусь в квартире, как же объяснить Куприну свою позицию?

Ручка забегала по бумаге. Излив мысли, я перечитала письмо и в задумчивости стала ерошить волосы. Может, текст слишком резкий? И вообще, очень длинно получилось, надо сократить! Разорвать послание? Или так оставить? Может, я, как обычно, недовольна «рукописью»?

Пока в голове кружились эти мысли, ноги сами собой побежали в прихожую, я схватила куртку, ключи, сумочку, письмо осталось на столе.

Начавшееся везение продолжалось: контора, нанимавшая людей на новогодние праздники, находилась в центре, прямо у входа в подземку. Я вошла внутрь и увидела полную пожилую тетку с всклокоченной «химией».

– Вам Снегурочки нужны? – с порога спросила я.

Женщина кивнула.

– Я могу приступить к исполнению обязанностей, – заверила я ее.

Работодательница вздохнула:

– Дедушка есть?

– У меня?

– Ну да!

– Нет, он, наверное, давно умер, – удивилась я, – и причем тут мой дед, которого я никогда не видела?

Нанимательница улыбнулась.

– Да уж! Ваш дедушка нам не нужен! Мы приглашаем на

работу пары – Дед Мороз и Снегурка. Поняли?

Я призадумалась.

– Снегурочкой в одиночестве работать нельзя?

– Никак. Кстати, какое у вас образование, надеюсь, театральное? Нас интересуют только профессионалы.

– Я закончила ГИТИС, – мигом соврала я, – сразу два факультета, могу и на сцене играть, и спектакли ставить.

– Диплом имеете?

– Ой, не захватила его с собой! Потом принесу, – с абсолютно честным выражением на лице заявила я.

– В принципе, я могу и на слово поверить, – миролюбиво ответила тетка, – только дедушки у вас все равно нет, поэтому говорить не о чем!

Не успела я сообразить, что предпринять, чтобы преодолеть возникшее препятствие, как хлопнула дверь и в комнату вошел высокий мужчина в красном, расшитом золотом халате.

– Вася, ты зачем пришел? Неужели все заказы выполнил? – изумилась администратор.

– Угу, – кивнул пришедший, швырнул в угол мешок из пурпурного бархата, клочкастую бороду, лохматую шапку и добавил: – Спекся я, Наина Львовна!

– Но еще и двенадцати нет, – возмутилась та, – зачем вернулся, ступай работай, вызовов полно, народ ждет. Сейчас трезвонить начнут, деньги назад требовать.

– Один не могу, – покачал головой Вася, – детей толь-

ко вдвоем удержать можно, иначе как у Дедушки Морозу. А Снегурка моя, внученька мерзопакостная, тю-тю. В общем, чистая авария.

Наина Львовна схватилась за виски.

– Боже, вы разбили машину!

– Не, – вяло откликнулся Вася, – че ей сделается.

Администратор покраснела.

– Зачем тогда чушь про аварию несешь?

– Ну, в смысле, группа такая есть, «Дискотека «Авария», – пояснил Василий, – они стеб про Новый год поют. Ну, типа, он к нам мчится, скоро все случится. А дальше такие слова от лица Деда Мороза, вроде «простите, только нету Снегурочки со мной, мы вместе шли с Камчатки, но она ушла на ...». Извините, Наина Львовна, сами понимаете, куда девка двинула! В общем, жопа Новый год!

– Рита опять прогулять решила, – всплеснула пухлыми ручками Наина, – нет, это...

Ее гневную речь прервал звонок телефона. Наина Львовна схватила трубку, на ее лице появилось сладко-приторное выражение.

– Агентство слушает. Да, да, конечно, приедут. Извините, бога ради, я понимаю, что ребенок ждет, но на дороге заносы. Скоро будут, совершенно точно!

Положив трубку, тетка взглянула на Васю.

– Вот, пожалуйста! Собирайся!

– Без Снегурки никак не могу.

– Ерунда, выкрутишься, ну объяснишь там, внушка потерялась по пути.

– При чем тут это! – взвыл Вася. – Меня же затопчут. Не, делайте что хотите, один не пойду, боюсь.

– Ты трус! – возмутилась Наина Львовна.

– Ага, – кивнул Вася, – точно. А давайте вы со мной поедете! Наденете прикид Снегурочки – и вперед.

– С ума сошел, – воскликнула дама, – мне шестьдесят два года!

– И че? – спокойно отреагировал Василий. – Никто ни фига не поймет! Хотите выполнить все заказы, собирайтесь!

Наина Львовна ткнула в меня пальцем:

– Вот тебе Снегурочка. Нравится?

– Тощевата будет, – резюмировал «дедушка», оглядев меня с головы до ног, – никакого мяса.

– Никак ты котлеты готовить собрался, – хихикнула я.

– Не, – удивился Вася, – при чем тут жарка?

– А зачем Снегурке жирное тело? – отбрила я.

Вася поскреб в затылке:

– Ну, ладно, пошли.

– Стой, – слегка остудила его пыл Наина Львовна, – сначала надо анкету заполнить. Паспорт есть?

Я кивнула:

– Да, меня зовут Виола.

– Давай, – оживилась администратор.

– Потом оформите, – занял Вася, – мы опаздываем.

– Надо о репертуаре поговорить, – вздохнула Наина Львовна, – потешки, прибаутки, сказки, стишки знаешь?

– Да ладно вам, – снова влез в беседу Вася, – я сам справлюсь, пусть она молчит, лишь бы нас двое было, отобьет меня, если что, хватит к девке приставать. Тоже мне, МХАТ нашелся, подавай вам репертуар. Сами знаете, приличные люди сюда на работу не пойдут. Дайте я ее лучше поспрашиваю. Слышь, Виола, как тебя по батюшке?

– Можно просто Вилка, – сказала я, – без отчества, оно у меня трудное.

– Ты пьешь? – в лоб спросил Вася.

– Ни грамма, – заверила его я.

– Это плохо, – поморщился «дедушка».

– Почему? – удивилась я.

– Значит, ширяешься!

– Мне и в голову не придет колоться!

– Нюхаешь кокаин? – не успокаивался Вася.

– Не пью, не курю, не колюсь, веду праведный образ жизни, – быстро сообщила я, – являюсь тихой женщиной, без серьезных пороков.

– Совсем никуда, – загрустил Вася, – не доверяю я широко правильным. Лицемеры они, так и жди пинка исподтишка. Ну какой человек без изъяна?

– Хватит, – оборвала его Наина Львовна, – забирай Снегурку и отправляйся на работу.

– Другой нет? – пытался избавиться от меня Вася.

– Бери что дают! – рывкнула Наина Львовна.

– Эту не хочу, – гундосил Вася.

Я почувствовала себя тухлой курицей на прилавке рыночной торговли. Весьма неприятное, скажу вам, ощущение.

– Тогда ступай один, – уперлась Наина.

Вася повздыхал, но в конце концов выдавил из себя:

– Ну ладно, делать нечего.

Наина Львовна распахнула большой шкаф, выдала мне голубую «шубку», отделанную серебряной тесьмой, и парик: светло-желтые длинные косы с челкой. На ноги предлагалось обуть белые сапожки.

Верхняя одежда, отчего-то сильно пахнувшая табаком, пришлась мне впору, парик, воняющий дешевым одеколоном, без проблем «сел» на голову, а вот сапожки оказались малы.

Наина Львовна пожевала нижнюю губу.

– Чего делать-то!

– Дайте ей вон те боты, – велел Вася, показывая пальцем на безобразно большие белые штиблеты. – Они точно на ее лапы налезут.

– Это обувь от костюма покемона, – задумчиво протянула администратор.

– Однофигиственно, – буркнул Вася, – покемон, Шрек, Белоснежка, семь гномов, лишь бы белое на ногах. Эй, внучка, влезай в чувяки, и тронулись.

– Если костюм испортишь, вычту из зарплаты, – пообеща-

ла мне вслед Наина.

– Не волнуйтесь, я аккуратно ношу вещи, – заверила я ее, застегивая слегка обтрепанную «шубку».

– Дуй к машине, аккуратная, – легонько ткнул меня в спину «дедушка».

Шаркая спадающими с ног ботинками покемона, я потопилась на улицу.

– В машину садись, – велел Вася, выбираясь во двор.

Я завертела головой.

– В какую?

– Так в самую шикарную, – очень серьезно заявил «дедушка», – моя тачка крутая, тюнинговая.

Слегка удивившись, я еще раз обозрела проспект и пошла к белому «Мерседесу», на капоте которого была нарисована голова тигра. Для тех, кто не знает, поясню: загадочное слово «тюнинг» означает, грубо говоря, «улучшение» автомобиля. Мне, вообще-то, непонятно, по какой причине мужчины, купив тачку, начинают перешивать салон, разрисовывать кузов и обвешивать бока машины лишними накладками. Но Олег и большинство его приятелей частенько вздыхают, говоря:

– Эх, денег лишних нет, а то бы...

И дальше следует часовой рассказ о тюнинге; муж, забыв обо всем на свете, перечисляет детали, подлежащие замене. А еще он бы тоже с удовольствием сделал на крышке багажника картину: волк на опушке леса.

Но тюнинг очень дорогое удовольствие, единственное,

что Куприн смог себе позволить, – это подсветку днища. Приделал под свой автомобиль маленькие лампочки и теперь несется по ночным дорогам, словно НЛО, испуская из-под колес синие лучи. По-моему, ужасная глупость, но Олег в восторге. Понимаете теперь, почему я была удивлена, направляясь к «мерсу»? Стоимость тюнинговой машины возрастает как минимум на треть, а Василий меньше всего походил на человека, способного сначала заработать на «мерина», а потом на его «красоту».

– Эй, – затрубил Вася, – ты куда поперла? Вот моя тачка!

Я притормозила и обернулась, «дедушка» невозмутимо открывал нечто невероятное. Сначала мне показалось, что я вижу гигантскую табуретку, выкрашенную сумасшедшим хозяином в клетку, темно-вишневые участки кузова чередовались с оранжевыми, но потом я сообразила: это же «Ока», продукт отечественного автомобилестроения, так называемый народный автомобиль. Почему-то, по мнению кое-кого из российских конструкторов, народ должен ездить на крохотной машинке, полностью лишенной подушек безопасности. Может, у нас слишком много народа и от части его было решено избавиться при помощи «Оки»? Хотя как установить на «Оку» подобный прибабас? Если сработает подушка безопасности, автомобильчик просто разорвет на части.

– Садись, – велел мне Вася.

Я попыталась открыть дверь, но не нашла ручку.

– Ну, ё-мое, неумеха, – покачал головой Дед Мороз, – там

кнопка есть.

С трудом сообразив, как справиться с замком, я втиснулась в узкое пространство и только сейчас поняла: «Ока» тонирована по полной программе, даже часть ветрового стекла затемнена.

– Поехали! – азартно выкрикнул Вася и понесся по проспекту.

Через пару минут я вжалась в сиденье, «дедушка» оказался из категории водителей-экстремалов. Отъехав от тротуара, Вася мгновенно перестроился в левый ряд и полетел, словно на реактивной тяге. Вел он себя так, будто восседал в том «мерсе» с тигром на капоте, да еще с подстраховкой джипа охраны.

Увидев впереди себя «Ауди», Вася принялся включать и выключать фары. Водитель шикарной машины не собирался уступать никому дорогу, и тут Вася нажал на клаксон.

– Кря-кря-кря, – завозмущалась «Ока», «Ауди», подпрыгнув от неожиданности, подалась вправо.

Представляю, что подумал шофер дорогой иномарки представительского класса, увидев, что его прогнала прочь тюнингованная, тонированная «Ока».

– Йес, – воскликнул Вася, – мы его сделали!

Не успела я вздрогнуть, как Вася догнал джип «Лендкрузер» и снова закричал. Но дорогостоящее изделие концерна «Тойота» и не подумало уйти в сторону.

– Ну погоди, – прошипел Вася, тыча пальцем в какую-то

кнопку.

В потолке «Оки» заморгала маленькая синяя лампочка.

– Что это у тебя? – удивилась я.

– Где?

– Ну вот, над головой.

– А! Струбоскопы работают, – объяснил Вася, потом вытащил из-под сиденья пластмассовую коробочку и заорал: – Ну ты, козел! Тормозной жидкости выпил? Уступи дорогу транспорту со спецсигналом!

«Лендкрузер» улетел вправо, «Ока» легко обошла его. Я в ужасе посмотрела на спидометр – 140 километров.

– Кто бы мог подумать, что она так быстро ездит, – вырвалось у меня.

– Еще шибче может, – заверил Вася, – только надо, чтобы сзади кто потяжелее сел, а то мотает «окушку», легкая она очень. Эй, гад, дай дорогу!

Последняя фраза относилась к серебристому «Бентли».

Когда Вася, насвистывая, обгонял один из самых престижных и бешено дорогих автомобилей, я повернула голову и увидела за рулем «Бентли» молодого мужика с отвисшей от удивления челюстью.

– Меня все боятся, – гордо пояснил Вася, – скажи, классная тачка, ниче ей не страшно. Видала? Пробка! А я вот так, шмыг-шмыг...

Пока он делал «шмыг-шмыг», чуть не задевая бока других машин, я, сжавшись в комок, медленно покрывалась потом.

Господи, спаси и сохрани! Я нахожусь в маленькой машине, сделанной, похоже, из картона, сижу, словно на ночном горшке, очень низко, задрав кверху колени. Ну поставил Вася крякалку, сирену и струбоскопы, ну оснастил «Оку» всякими прибабасами, затонировал ее, только все эти причуды не спасут нас, если малолитражка вломится в «КамАЗ». Зачем он несется с такой скоростью? Уже сто шестьдесят!

– Похоже, нам сюда! – рявкнул Вася и, включив сирену, попытался рвануть направо.

Лента машин не собиралась расступаться.

– Эй, идиоты, – загремел в громкоговоритель «дедушка», – козлы, блин, расступились немедленно, живо, кому говорят! Чего вас по дорогам носит, а? Чего на месте не сидите? А ну, притормозили, не видите, я еду на работу!

Я зажмурилась, Вася, продолжая ругаться, лихо свернул в переулок, нажал на тормоз и сообщил:

– Класс! За шесть минут доехали. Но это еще не рекорд. Ладно, день только начался! Чего сидишь? Примерзла? Косички поправь – и ходу.

Мой дебют в роли Снегурочки прошел весьма успешно. Маленькая девочка при виде нас с Васей завизжала от восторга, потом быстро рассказала выученный стишок про елочку, Вася вынул из мешка куклу Барби, ловко подсунутую нам мамой ребенка, и вручил малышке.

– Ну, прощай, Катенька, – сказал «дедушка», – меня другие детки ждут!

Катя помахала ручкой, а ее папа быстро предложил:
– Давай за Новый год.

Нас проводили на кухню и налили по сто грамм. Я отказалась от выпивки, зато с огромным удовольствием съела «Оливье» и кусок холодца, предложенный хозяйственной мамой, расстались мы почти друзьями.

Следующий визит оказался таким же. Девочка – стишок – кукла – посиделки на кухне. Правда, вместо родителей были бабушка с дедушкой, но особенно на ход событий эта рокировка не повлияла. От холодца я, правда, отказалась, а вот «Оливье» снова откушала с удовольствием.

В третьем доме нас ждал мальчик, и Вася вытащил из мешка машинку. Дальнейшие события развивались по плану: стишок – водка – «Оливье» – холодец.

К четверем часам дня меня стало интенсивно тошнить от вида излюбленного россиянами салата и запаха студня. Но Вася, вливший в себя море водки, не ощущал никакого дискомфорта.

Глава 3

Около шести мы вошли в шикарный загородный дом, обставленный с роскошью дворца. Молоденькая блондинка-мама сверкала бриллиантами, коротко стриженный папа благоухал французским парфюмом. Еще в апартаментах присутствовали пара гориллообразных охранников и мальчик лет семи, ради которого и затевался весь сыр-бор.

– Смотри, Костик, – засуетилась мама, – кто к тебе пришел! Дед Мороз и Снегурочка!

Чадо скривилось.

– Они не настоящие.

Вася затопал валенками.

– Э, нет, я тот самый, у-у-у...

– Не идиотничай, – спокойно сказал паренек и ушел.

Папа кинулся за ним, а мама, заламывая руки, затараторила:

– Костик такой чувствительный, ранимый. Боже, у него будет стресс, вы уж постарайтесь.

– Слышь, дед, – заявил вернувшийся в зал папа, – мне надо, чтобы пацан поверил, что ты живой!

Вася кашлянул:

– Так вроде я на мертвого не похож.

– Костик говорит, что Мороз на оленях приезжает, – пояснил папа.

– И где я вам их возьму? – вытаращил глаза Вася.

Хозяин достал кошелек, выудил оттуда пару бумажек, дал Василию и заявил:

– Сайгаков ща сделают, ты, главное, изобрази, что на них прискакал!

– Сергей Петрович, – всунулся в комнату один из секьюрити, – готово.

– А ну, валите во двор, – приказал папа.

Мы с Васей покорно вышли на улицу, я попятилась. Недалеко от ворот стояла упряжка из странно маленьких оленей, запряженных в снегокат. Животные были слишком мелкими, отчего-то темно-коричневыми и худыми, зато их головы украшали небольшие, аккуратные рожки.

– Ты давай бери вожжи, – деловито распоряжался папа, – Снегурка сзади пристроится, уцепится как-нибудь. Ваша задача по дорожке до бани проехать, и все дела.

– Ни за что, – рявкнул Вася, – я с детства собак боюсь!

Тут только до меня дошло, что никакие это не олени, а доbermanь, на макушки которых кто-то приделал декоративные рожки на обручах.

– Не выжучивайся, – велел папа, – садись!

– Нет, – мотал головой Вася.

– Хорош кривляться, на вот, возьми еще денег.

– Сказано, я псов не перевариваю, – трясся Дед Мороз.

– Они мирные, – уговаривал Васю папаша.

– Не!

– Ребенка пожалей, он должен Дедушку Мороза на оленях видеть, – влезла в разговор мама.

– Ни за что.

– Сергей Петрович, можно я его пристрелю? – подал голос секьюрити.

– А тело куда денем? – задумчиво поинтересовался папа.

– Так в ливневую канализацию сунем, – деловито предложил охранник, – там пять метров глубина, еще и девка уместится, вместе с машиной.

Я вздрогнула, Вася начал икать.

– В ливневку не надо, – вмешалась мама, – там уже забито, лучше в овраг свалить.

Я присела на корточки, а Вася побежал к доберманам.

– Эй, Снегурок, – ласково пнул меня ногой другой секьюрити, – какого хрена ты расселась, чеши к олешкам, Костик наш нервничает!

Кое-как я добрела до снежоката. Синий, словно прокисший кефир, Вася сунул мне вожжи.

– На, управляй!

– Я?

– Ты.

– Но я не умею ездить на доберманах.

– Можно подумать, у меня есть аттестат гонщика собачьих упряжек, – проблеял Вася, – я боюсь дико, сделай милость, выручай нас.

Понимая, что выбора нет, я села на снежокат и дернула

вожжи.

– Эй, пошли, залетные!

Доберманы нехотя двинулись вперед.

– Костенька, – хором закричали родители, – смотри-ка, он на олешках едет!

Одно из окон первого этажа с треском распахнулось.

– Вау, – понесся над тихим лесом звенящий крик, – прикольно!

Услышав вопль, доберманы сначала осели на задние лапы, потом стрелой рванулись вперед. Я попыталась натянуть постромки, но тут перед глазами возник забор. Дальнейшее помнится с трудом. Вроде охрана выудила нас с «дедушкой» из сугроба и притащила на кухню, потому что в конце концов я пришла в себя возле большого стола, на котором в ряд выстроились бутылки, миска с салатом и лоток со студнем. То, что водка оказалась супердорогой, а в «Оливье» была черная икра, не спасало положения, меня затошнило.

К счастью, все закончилось быстро. Нас проводили до машины, и охранник, тот самый, что хотел пристрелить «дедушку», вежливо сказал:

– Вот тут вам, ребятки, еще денежки от хозяина, а хозяйка велела сумочки с харчами дать. Осторожней только, там бутылки и коробки с салатами, не рассыпьте.

Вплоть до следующего объекта я тряслась, как болонка, попавшая под дождь, но, когда «Ока» ворвалась во двор самой простой московской хрущевки, слегка успокоилась и по-

думала: «Ну тут, слава богу, никаких катаний на оленях не будет, нечего ждать неприятностей от обычных людей». О, как я ошибалась!

Впрочем, сначала все шло хорошо. Насупленный мальчик, понукаемый мамой, кое-как пробормотал стишок про зайньку.

– Очень хорошо! – бодро воскликнул Вася. – Коля заслужил самый лучший подарок, я принес то, о чем ты просил Деда Мороза.

Глазенки ребенка засверкали, Вася, сделав самое загадочное лицо, порылся в мешке и вытащил небольшую машинку.

– Ну, иди забирай, – поторопил он малыша.

Мальчик на секунду впал в ступор, мне показалось, что он не ожидал такого роскошного подношения и сейчас от счастья попросту потерял дар речи. Но следующие события ярко продемонстрировали, что госпожа Тараканова абсолютно не разбирается в детях.

Школьник подошел к Васе и вдруг со всего размаху пнул его ногой по коленке. «Дедушка» взвизгнул.

– Козел, – заорал мальчуган, – чего врешь-то! Я у тебя компьютер просил! На фиг мне эта дрянь!

Мама бросилась к сыну, но тот, ловко вывернувшись из рук родительницы, вцепился в бороду Деда Мороза. Бабушка ухватила внука, но мальчик, укусив старушку, снова начал лягать Васю.

Я, согнувшись в три погибели, хотела удрать, но тут маль-

чик понял, что Снегурочка пытается покинуть поле боя, и метнул в меня табуретку. Она угодила прямехонько в окно, послышался оглушительный звон.

– Ах ты, негодник! – завопила мама и набросила на сына плед, таким образом хозяева успокаивают разбушевавшуюся кошку.

Пока орущий безобразник выпутывался из шерстяного одеяла, мы с Васей ринулись к двери и благополучно ретировались.

– Вот мерзавец, – с чувством произнес Дед Мороз, – хотя бывали в моей жизни ситуации и похуже. Вот в прошлом году...

– Эй, ребята, – прервал его тихий голос.

Мы с Васей одновременно повернулись и увидели маленькую приятную женщину.

– Сделайте одолжение, – попросила она, – поздравьте мою девочку.

– Никак, маманя, не получится, – покачал головой Вася, – следующий заказ у нас ровно в семь, велено не опаздывать ни на минуту.

– Очень прошу вас, – со слезами в голосе стенала тетка, – инвалид она, в коляске сидит, да и идти далеко не надо, моя квартира на первом этаже, вот окно.

Мы с Васей переглянулись и, не сговариваясь, пошли за женщиной. В темной прихожей пахло бедностью и горем.

– Вот, – шепнула несчастная мать, – потом подарок ей да-

дите.

Я увидела, как она кладет в мешок Деда Мороза шоколадку, и почувствовала резкое пощипывание в носу, очевидно, Вася ощутил те же эмоции, потому что он тихо сказал:

– Я тут пока ля-ля, а ты сносишь на проспект, там палатка вроде стоит с игрушками, на ключи от «Оки», возьми деньги, что нам хмырь с оленями дал.

Вася оказался прав, и я без всяких проблем купила Барби, потом вытащила из машины сумки с продуктами и пошла к бедной женщине.

Спустя десять минут мы с Васей ощутили себя настоящими Дедом Морозом и Снегурочкой. Маленькая девочка плакала от счастья, прижимая к себе куклу, мама металась по комнате, накрывая на стол, каждую вынутую мной коробку с салатом она сопровождала восклицанием:

– Ну и роскошь, смотри, Ниночка!

В конце концов мы сели за стол.

– Эх, «Оливье», – потер руки Вася, – ба, да он с икрой!

Я поморщилась, к горлу подступила изжога.

«Тра-ля-ля-ля», – запел кто-то в комнате.

Вася порылся в «шубе» и вытащил мобильный.

– А! Да, конечно, во, слушай!

Держа в одной руке сотовый, Вася выудил другой из кармана брюк, надетых под красный халат, фляжку, сделал пару глотков и сказал:

– Готово!

Потом запихнул аппарат в карман и сообщил:

– У меня того, с желудком беда, вот пью гомеопатию, жена напоминает, эту дрянь в растворе надо точно по часам глотать, без пятнадцати семь, иначе не подействует. Кстати, нам бы поторопиться, у меня следующий заказ ровно в девятнадцать ноль-ноль. Где список-то? Во, Вилка, гляди, видишь, напечатано: «Клиент требует ровно в 19.00. Сюрприз для хорошего человека». Я специально так маршрут составил, чтобы успеть.

– Не страшно на десять минут опоздать, – ожила хозяйка, – да вы ешьте скоренько, Снегурочка, чего сидите?

– Желудок скрутило, – призналась я, – и зуб сильно заболел. Прямо пошевелиться не могу!

Вася сунул мне фляжку.

– Глотай.

– Это что?

– Пей, не сомневайся, от желудка гомеопатия, мне сразу помогло и тебе боль снимет в животе, от зубов, правда, не поможет.

Я повиновалась, отхлебнула немного снадобья и подивилась его противному вкусу.

Вася налил рюмку, а женщина принялась рассказывать о своей жизни, о больной дочери, отсутствии хорошей работы, зарплаты...

Спустя некоторое время я спохватилась, встала и сказала:

– Простите, но у нас еще заказы.

Вася тоже поднялся и, пошатываясь, побрел в прихожую. Я с тревогой посмотрела на него, похоже, он из той же породы, что и мой папенька. Ленинид способен выпить ведро водки и даже не измениться в лице, но потом прибавленная к общему количеству крохотная рюмочка мгновенно уносит родителя, валит его с ног, и поднять папеньку просто невозможно.

Кое-как, спотыкаясь, Вася добрел до «Оки», сел в салон и уронил голову на руль.

– Эй, проснись, – велела я, с радостью отмечая, что боль в желудке как рукой сняло, кстати, и зуб перестал ныть, гомеопатия оказалась волшебной.

– М-м-м.

– Пересядь на пассажирское сиденье.

– М-м-м.

– Попробуй перебраться в соседнее кресло.

– Зачем? – еле-еле ворочая языком, осведомился он.

– Я поведу машину.

Василий задвигался, засопел, потом с видимым трудом сложил из весьма грязных пальцев фигу и повертел конструкцией перед моим носом.

– Видала?

– Отдавай ключи!

– Мартышка за рулем – смерть на дороге, – сказал Вася и начал икать.

Я попыталась сдвинуть его, но с таким же успехом мышь

может толкать троллейбус.

– Ты забыл про заказы?

– М-м-м.

– Нас ребенок ждет!

– М-м-м.

– Немедленно пусти меня за руль и скажи адрес!

Вася повернул голову.

– Ты кто?

– Снегурочка.

– Не-е-е! Ты – Баба Яга, зуда с подзабором, родная сестра циркулярной пилы!

Я прикусила нижнюю губу. И что делать? Бросить пьяного дурака и поехать к Наине Львовне? Сесть в метро в костюме и парике Снегурочки и в ботинках покемона? И потом, администратор не выдаст мне зарплату, заказы-то не выполнены полностью. Впрочем, моя «родная» одежда в машине, в пакете, можно переодеться, но денег-то я все равно не получу!

– Васенька, – сменила я тактику, – котенька, давай я поведу «Оку», осторожно, тихо.

– Слышь, возьми у меня бумагу, – внезапно почти трезвым голосом сказал Вася, – работы на двадцать минут осталось, и ехать никуда не надо, это рядом, в соседний дом иди. Я специально так маршрут продумал, чтобы очень не мотаться, ровно в семь велели!

Я полезла в карман шубы Деда Мороза. Действительно,

это последний заказ, здание имеет тот же номер, что и то, где мы сейчас гостили, просто другой корпус.

– Отрыла? – просипел Вася.

– Да.

– Ступай.

– А ты?

– Тут посижу, – он начал медленно уходить в себя, – посплю чуток, одна справишься?

– У меня есть альтернатива?

– Ежели ему, твоему альтернативу, шуба с бородой нужна, нехай берет, – пробормотал Вася, – смотри только, чтобы не запачкал.

Потом из его глотки понесся молодецкий храп, я оглядела безнадежно пьяного Деда Мороза и решила, что попытаюсь сама справиться с трудностями, после гонок на доберманах мне сам черт не брат. Тяжело вздохнув, я пошла в соседний двор.

На звонок мигом выглянула молодая женщина.

– Вы кто? – изумленно спросила она.

– Снегурочку вызывали?

– Нет, – захихикала хозяйка.

– Но у меня заказ по этому адресу.

– А! Может, соседки Бирюковы начудили.

– Позовите кого-нибудь из них.

– Сами пройдите, – предложила она, – по коридору, налево.

Таща за собой пустой мешок, я дошла до нужной створки, постучала, сначала тихо, потом громче и, не дождавшись ответа, бесцеремонно толкнула дверь. Перед глазами открылась дивная картина.

В небольшой грязной комнате, на вытертом диване спала совершенно голая девушка. В кресле, неудобно скрючившись, храпела вторая красавица, правда, одетая. У стола, заставленного пустыми бутылками из-под дешевой водки и вспоротыми банками с рыбными консервами, дремала старуха. Никаких маленьких детей в помещении не было.

– Снегурочку приглашали? – попыталась я нарушить отдых алкоголиков.

Ответа не последовало. Я набрала полную грудь воздуха и гаркнула:

– Здравствуйте, ребята! Дед Мороз к вам мчится!

Девушки, ни голая, ни одетая, даже не пошевелились, а бабулька вдруг приоткрыла мутные глазки.

– Снегурочку приглашали? – обрадовалась я. – Вот, я пришла, подпишите мне заказ, и разойдемся с миром.

Старушонка медленно подняла руку, перекрестилась и вдруг тоненьким голоском заявила:

– А ить зря я на доктора злилась! Сказал ведь мне: не станешь таблетки пить, черти по столу прыгать будут. Во оно как! Теперича незнамо кто вместо них припер, сгинь, рассыпья! Уйди, кикимора болотная, шишига колодезная, не боюсь тебя!

Высказавшись, бабуля снова смежила морщинистые веки и впала в нирвану. Я вышла в коридор и столкнулась с женщиной, открывшей дверь.

– Ну и как? – засмеялась она. – Вручила подарки?

– Мрак! Куда они ребенка подевали?

– Какого?

– Ну не себе же они Деда Мороза вызывали!

Женщина засмеялась.

– Вот уж не знаю, с чего им в голову подобное пришло! Прикол! Небось посмеяться решили. Девчонки вообще-то не пьют, это бабушка зашибает. Только они сегодня на работе Новый год отмечали, в разных местах служат, а набрались одинаково, явились домой очень рано и задрыхли. Тебя как зовут?

– Виола, – машинально ответила я, – можно Вилка.

– Ася, – представилась женщина, – ты чего такая расстроенная?

– Да заказ они мне подписать не могут. – Я стала объяснять Асе ситуацию. – На фирме его невыполненным посчитают и денег не дадут. А еще у меня Дед Мороз наклюкался, что, впрочем, неудивительно, ему везде наливали. Спит теперь в машине, пушкой не разбудить!

Ася звонко рассмеялась.

– Давай я тебе на бумаге фамилию намалюю.

– Надо заказчику роспись поставить.

– Ой, не смейся, у вас там на фирме образцы подписей

есть?

– Нет, – сообразила я.

– Так и дело с концом, – продолжала веселиться Ася, – вот что, пошли в комнату, чаем тебя угощу, ты меня с Новым годом поздравишь. Давненько ко мне Снегурка не приходила.

Я поколебалась секунду, потом шагнула в сторону Аси, зацепилась несуразно длинным ботинком покемона за какой-то ящик, стоящий у стены, и, не удержавшись на ногах, шлепнулась на четвереньки.

Нет бы мне понять, что судьба предписывает срочно покинуть квартиру, бежать прочь от милой Аси. Но госпожа Та-
раканова поднялась и, подумав: «Пока Вася проспится, выпью спокойно чаю», по-шла навстречу беде.

Глава 4

– Вино будешь? – спросила Ася.

– Извини, я совсем не пью.

– Я тоже, но сегодня можно.

– Уже Новый год отмечаешь? – кивнула я.

– Чай будешь? И «Оливье»! – засуетилась Ася.

При упоминании о салате меня снова затошнило.

– Спасибо, сыта по уши, – вырвалось у меня, – просто пить хочется.

– Конфеты есть, – заулыбалась Ася, – и лимончик, давай устраивайся, сейчас чайник принесу.

– Чего кипяток туда-сюда таскать, давай на кухне посидим, – предложила я.

– Ну и отлично, – мигом согласилась Ася, – кстати, я картошечку сварила. Ты селедку любишь?

Я кивнула.

– Да, делаю из нее форшмак, с яблоком.

– Это как? – удивилась Ася.

Мирно болтая о способах приготовления рыбы, мы переместились в кухню.

– Можно руки помыть? – спросила я.

Ася кивнула:

– Сколько угодно, вон дверь.

Я вошла в санузел и с наслаждением стала умываться.

Очень хорошо знаю, что от усталости и плохого настроения я легко избавляюсь, сняв с лица косметику. Пудра, тушь, румяна действуют на меня угнетающе, но нельзя же выйти на люди росмахой, поэтому сейчас с огромным облегчением я принялась смывать макияж Асиным гелем, скоро поеду домой, хватит с меня «красоты». Из коридора слышался звонок.

– Иду, – крикнула Ася, – кто там?! Ой, входите, классно как! Вот приколы! Можете пока в комнате подождать, я попробую Ленку с Каткой расчихать, вас теперь Снегурочек две штуки, цирк прямо.

Договорить фразу Ася не успела, слышался глухой удар, потом стук, и воцарилась тишина. Я, щедро намылившая физиономию хозяйским гелем, принялась плескать на лицо воду, но мыло сразу не смывалось.

Избавившись от пены, я, решив не брать чужое полотенце, промокнула лицо туалетной бумагой, посмотрела на себя в зеркало, горестно вздохнула и вышла в коридор.

Я сразу увидела Асю, ничком лежавшую на полу, бросилась к ней, наклонилась и отшатнулась. Большие серые глаза не мигая смотрели в потолок, на губах Аси застыла улыбка, казалось, что она очень довольна, даже счастлива. Идиллическое впечатление портило небольшое темно-красное входное отверстие от пули. Располагалось оно между бровями несчастной, чуть повыше переносицы, там, где, по мнению оккультистов, находится третий глаз.

Мне стало сначала жарко, потом холодно, тело заколотил озноб. Плохо понимая, что делаю, я выскочила за дверь и тут же налетела на полную старушку, стоявшую на лестничной клетке. За руку пенсионерка держала девочку, по виду первоклассницу.

– Ой, баба, – заверещал ребенок, – смотри, Снегурочка! Еще одна, отсюда только что такая же выходила!

– Под Новый год случаются чудеса, – не преминула воспользоваться моментом для поучений бабка, – только Снегурка к хорошим детям приходит, а не к двоечникам.

Девочка выпятила нижнюю губу.

– В той квартире детей нет, одни пьяницы!

– Лена! – возмутилась бабушка.

– А чего, – занудила внучка, – правда ведь. Там алкоголики живут, мама так говорит.

– Надо папу слушать, а не маму, – едко заметила старуха.

– Разрешите пройти, – нервно попросила я.

Старуха посторонилась, но девочка была настроена пообщаться со Снегурочкой.

– А где твой Дед Мороз? – игриво воскликнула она.

Я попыталась подвинуть девочку, но та, вцепившись в перила, вскрикнула:

– А почему вас тут двое? А? Для меня кукла есть?

И тут из квартиры Аси донесся вопль.

– Помогите, люди...

Очевидно, кто-то из Бирюковых проснулся и обнаружил

в коридоре тело Аси.

Испугавшись, я отпихнула девочку и побежала по ступенькам вниз, сопровождаемая разноголосыми воплями. К звуку из апартаментов Аси прибавились негодующая ругань старухи и визг школьницы.

Глава 5

Вася спал в «Оке», по-прежнему стоявшей в соседнем дворе, опустив голову на руль. Я распахнула дверь и рывкнула:

– Двигайся вправо!

– Тише, Линда, – прошептал Вася, – не злись.

Продолжая бормотать, он покорно переместился на пассажирское место, я завела мотор и понеслась куда глаза глядят.

Минут через пять ужас утих, я припарковалась в каком-то дворе, посмотрела на пьяного Васю, потом толкнула его.

– Эй! Просыпайся.

– А-а-а, – простонал «дедушка».

– Все заказы выполнены.

– А-а-а.

– Нам куда?

– Мне... домой!

– А в контору к Наине, за деньгами когда?

– З-з-завтра дадут, – выдавил из себя Вася, – отвези меня.

– С какой стати? – рассердилась я. – Устала не меньше твоего, домой хочу. Сейчас доеду до метро, и чао!

Честно говоря, работа Снегурочкой совсем мне не понравилась: слишком много хлопот, мало денег и совершенно непредсказуемые люди вокруг.

Внезапно перед глазами возникло тело Аси, и меня заколотило в ознобе.

– З-замерзаю, – заклацал зубами Вася, – отвези меня домой! Линда! Не бросай меня! Куплю тебе новые...

Молодецкий храп прервал обещание, я пнула Васю раз, другой, третий, потом взяла его барсетку, открыла и увидела паспорт. Василий Петрович Никандров, улица... Положив документ назад, я стащила с себя голубой камзольчик, парик, засунула прикид Снегурочки в пакет, накинула куртку, решила надеть свои сапожки, глянула на ноги и онемела. Одного ботинка покемона как не бывало. Вот почему мне было так холодно: напуганная смертью Аси, я потеряла неизвестно где слишком большой башмак и не поняла, что бегу почти босиком, одна нога обута, другая нет. Рассердившись на себя, я выехала на проспект, ладно, придется Васю и впрямь доставить домой, похоже, парень женат на даме с непростым именем Линда. Хотя в паспорте отметки о браке нет. Сдам ей на руки муженька и забуду все произошедшее, как страшный сон, хорошо хоть ехать недалеко.

Я поплутала по улицам, повернула пару раз направо, налево и наткнулась на нужный дом. Вася по-прежнему спал мертвым сном, издавая чудовищный храп.

Покачав головой, я вошла в подъезд, поднялась на лифте на нужный этаж и ткнула пальцем в звонок квартиры. Дверь распахнулась, меня резко затошнило, на пороге стояла толстая тетка с поварешкой в руке, запахло холодцом.

Внезапно у меня закружилась голова и снова заболел зуб. Чтобы не упасть, я уцепилась за косяк и прошептала:

– Ты Линда?

– Не, – приветливо ответила тетка, – Зина я.

Меня снова заколотил озноб.

– А где Линда?

– Тама, – ткнула рукой в сторону длинного, темного коридора Зина, – где-то шарахается, ступай поищи.

Чувствуя себя хуже некуда, я побрела в глубь неожиданно огромного помещения, пытаюсь руками разогнать смрад жирной, переваренной говядины. По дороге я открывала бесчисленные двери и засовывала голову в комнаты, в которых находились самые разные люди. В первой, у нещадно орущего телика сидел мужичонка с всклокоченными волосами, он даже не обернулся, услышав мои шаги. Сообразив, что Линдой дядька никак не может быть, я пошла дальше и наткнулась на даму в темно-вишневом халате.

– Ты Линда?

– Понимайт плохо, говорит нет, – сказала тетка, – Корнелазову, он русский знать.

Я махнула рукой, проследовала дальше, обнаружила чулан, а в нем на раскладушке черноволосого парня в спортивном костюме.

– Привет, – вежливо сказал он.

Я обрадовалась, мужчина выглядел трезвым.

– Добрый вечер, где Линда?

– Ахмет, – все так же улыбаясь, сообщил юноша.

– Очень приятно, где Линда?

– Ахмет.

– Замечательно, Линда тут?

– Ахмет.

– С ума сойти! Я уже поняла, кто ты, мне нужна Линда.

– Плиточник.

– Хорошо.

– Ахмет. Плиточник. Недорого!

Поняв, что каши с гастарбайтером не сварить, я вышла в коридор и прислонилась к стене. Перед глазами затряслась серая сетка, стало очень жарко.

– Ты кто? – послышался из пелены тихий голосок.

– Линда где? – пролепетала я.

– Ну я Линда, – ответила невидимая девушка.

Я хотела улыбнуться, но ноги внезапно разъехались в разные стороны.

– Ахмет, черт идиотский, прислал больную, – взорвался в ушах голос и внезапно пропал.

Стало тихо-тихо, а потом, вслед за звуком, исчез и свет.

Из коридора послышался крик:

– Вася, я ухожу, включи телефон!

И в моей голове моментально ожили воспоминания. Дед Мороз, Снегурочка, убитая девушка Ася. Я вскочила, выбежала из комнаты, долетела до кухни, увидела за столом Васю и тут же услышала:

– Только не ори!

На кухне повисло молчание, потом Вася шепнул:

– Я сказал, что ты моя троюродная сестра, из Колькина, на заработок в Москву приехала.

– С чего тебе подобная дурь в голову пришла? – тоже шепотом осведомилась я.

Вася приложил палец к губам:

– Тсс, посиди тут пока тихонечко, я погляжу, где Линда!

Я осталась одна и от тоски принялась изучать кухню. Да уж, похоже, сия Линда фиговая хозяйка. В раковине громоздится Эверест из грязной посуды, подоконник заставлен пустыми банками и бутылками, на полу подсохшая лужа: кто-то уронил чашку с кофе и не удосужился убрать за собой. Кстати, я сама не слишком аккуратна, но такого безобразия никогда не допускаю.

– Мы одни! – заорал Вася, врываясь назад.

– Тише, – шикнула я.

– Не фиг бояться, умелись все, – радовался он, – тебя как зовут?

– Ты не помнишь? – удивилась я.

Вася пригорюнился.

– Беда прямо, пью я спокойно, не косею, потом бац – и в отрубе! Приду в себя – забыл, чего делал!

– Дедом Морозом работал, – напонила я.

– Ты это, того, – нервно оглянулся Вася, – ладно, слушай, ща разберемся, чё к чему!

Я села на табуретку и кивнула:

– Начинай.

Через несколько минут ситуация стала прозрачной, ничего особенного в ней не было. Василий работает на заводе. Династия Никандровых хорошо известна на предприятии, фундамент ей заложил дед Васи, токарь от бога. Завод дал своему рабочему все – квартиру, дачу, звание Героя Соцтруда, одним словом, финансовое положение и статус. В цеху дедушка Васи, в те времена молодой и красивый, встретил уборщицу Лену, женился на ней, и у них родилось четверо сыновей.

Все мальчики окончили училище и отправились на то же производство, что и отец, но карьера у них не удалась, отпрыски токаря любили выпить и настоящими мастерами своего дела не стали. Более того, все они, кроме отца Василия, Пети, погибли после обильных возлияний. Иван утонул на рыбалке, Михаил попал под поезд, Семен сгинул без вести. Вася дядек не помнил, зато о деде сохранил самые лучшие воспоминания. Когда Петр и его жена Анна таки допились до смерти, дед Сергей Михайлович заменил внуку родителей. Ясное дело, что Вася тоже отправился в училище при заводе, а потом пришел в цех.

– Поклянись, что не прикоснешься к бутылке, – потребовал Сергей Михайлович, когда внучок хотел идти в кассу за первой получкой.

Вася кивнул и, пока любимый дедушка оставался жив,

слово держал. Старика на заводе уважали, поэтому другие пролетарии не дразнили Васю и не подбивали на подвиги. Большинство сотрудников жалело Сергея Михайловича, у которого от пьянки погибли дети. Но не все относились к правдолюбу Сергею хорошо. Токарь любил выступать на собраниях и гневно осуждать лентяев и прогульщиков. После подобных «митингов», как правило, следовали карательные меры начальства, поэтому кое-кто шипел вслед языкастому токарю:

– Господь не фраер, все видит: давил других, да сам и получил. Не задались детки, и внучок тоже сопьется.

После кончины Сергея Михайловича Вася стал пить и быстро покатился вниз. Сначала его отстранили от станка, посадили на электрокар, затем сняли и с него. В конце концов Василий стал «оператором механической уборки цеха», в просторечии уборщиком. Окончательно выставить за ворота внука прославленного мастера директор не решился, он помнил, сколько хорошего сделал для завода Сергей Михайлович.

Неизвестно, куда бы завернула жизнь Васи, но однажды, покупая у метро бутылку, он познакомился с симпатичной девушкой Линдой, та прибыла в Москву на заработки и не имела ни жилья, ни знакомых. Вася привел красавицу в свои огромные, оставшиеся от многодетного деда апартаменты и через месяц стал женатым человеком.

Линда мгновенно взяла мужа в оборот. Когда Вася, не

слишком хорошо знавший еще характер жены, пришел домой на бровях, Линда не пустила его в квартиру. Он устроил скандал, колотил в дверь ногами, ругался, соседи вызвали милицию. Но Линда не высунула носа из квартиры, сидела тихо, словно мышь, даже когда супружника уводили в отделение.

Наутро Вася заявился домой побитым, но трезвым, и тут Линда объяснила ему, что «под газом» он может даже не приближаться к родным пенатам, внутрь его не пустят. Никогда! Может, вам это покажется странным, но Вася испугался и боится Линду до сих пор. Опасаясь жены, он почти бросил пить, и его снова посадили на кар. Но совсем без выпивки Василий не может, он теперь, правда, не квасит ежедневно, а уходит в запой, причем делает это очень оригинальным, не характерным для большинства пьяниц способом.

Как только Вася ощущает, что желание выпить хватает его за кадык, он моментально крадется к своей соседке, медсестре Валечке, которая за небольшую мзду приносит ему из поликлиники самый настоящий бюллетень. Каким образом Валя ухитряется получить необходимую бумажонку, Васю не интересует, главное, что он получает оправдательный документ. Дальше – просто. Утром Вася уходит якобы на работу, вечером возвращается трезвый. Если дело идет о выпивке, русский мужик хитер. Василий не исключение, он очень хорошо знает, как следует себя вести, чтобы Линда не заподозрила дурного. Сильно облегчает парню задачу тот факт, что

после перенесенного в детстве гайморита Линда практически потеряла обоняние и не способна унюхать запах спиртного.

Поэтому утром Вася покупает энное количество бутылок, быстро опустошает их и идет спать все к той же медсестре. Только не надо думать, что Василий изменяет жене, нет, он человек честный, просто храпит на диване, потом Валя распахивает его, получает мзду, и все довольны. Вася выглядит трезвым, ну, слегка уставшим, как человек, честно трудившийся весь день. Валечка, в одиночку воспитывающая двух деток, никогда не выдаст соседа, потому что боится потерять дополнительный заработок. На работе Васю считают заболевшим, на предприятие Линду никто не пропустит, на заводе с этим строго, она никогда не узнает, что мужа нет на посту. В общем, сплошная лафа. Единственная проблема – деньги. Сколько Вася ни пытается делать заначки, Линда находит их с поразительной быстротой и немедленно устраивает муженьку разбор полетов. Но в позапрошлом году Василию так повезло, что и оценить трудно.

Медсестра Валечка вызвала к своим деткам Деда Мороза со Снегурочкой. Парочка явилась подшофе, Василий, в очередной раз «заболевший», как раз продрал глаза, когда «дедушка» и «внучка» начали водить хоровод вокруг чахлой елочки, изображая из себя волшебников. Потом Валечка выставила на стол бутылку, и Дед Мороз, потирая руки, рассказал Васе о том, как он здорово устроился.

– Работа не бей лежачего, – кричал «дедуся», опрокидывая рюмки. – Спрос превышает предложение, коли не в крутую контору наниматься, так и не надо ничего. Ну паспорт в залог за костюм возьмут. Мы вот с Ленкой пару стишков выучили и пятый год пашем. На еду в эти дни не тратимся, в каждом доме и накормят и напоят, еще и с собой дадут. Разные, конечно, люди встречаются, но в основном народ классный, могут еще и подарить кое-что. Кстати, и не в Новый год подзаработать можно, мы с Ленкой в отпуск Белоснежкой и гномом ходим по дням рождения.

Вася призадумался и на следующий Новый год принялся за дело. В Снегурочки он взял разбитную Маргариту, свою коллегу по работе. Две недели пролетели, словно дивный сон. Во-первых, Василий неплохо заработал, во-вторых, отлично погулял, в-третьих, Линда ничего не заподозрила. В этом году Вася решил повторить опыт, но авантюра с самого начала не задалась.

Абсолютно неразборчивая в связях Рита, придя в очередную квартиру в качестве Снегурочки, мигом снюхалась с братом хозяина и отбыла с ним в неизвестном направлении. Оставшиеся заказы в тот день Василий отрабатывал один, потом добрый боженька послал ему меня, даму негулящую и непьющую, но тут сам Вася дал маху.

– С чего я так в тот день ужрался? – вопрошал он сейчас. – Прикинь, даже имя твое забыл!

Я пожала плечами.

– Тебе плохо стало у девочки-инвалида, помнишь, мы к ней зашли?

Вася поскреб в затылке, вдруг его чело просветлело.

– Точно! Ты еще из машины сумки принесла, а там бутылка виски лежала. Вот где собака зарыта, ну никак мне нельзя виски жрать, чумею от него мигом. Ты только прикинь, как я перепугался! Прихожу в себя, ба, в машине сплю, в костюме Деда Мороза, под родным домом! Хорошо, Линда на улицу не высовывалась, иначе такая жуть приключиться могла. Ну, переоделся я по-быстрому и попер в квартиру, Линда выходит и орать:

«Ахмед маляршу больную прислал! Упала без сознания!»

Я внимательно слушала корявую речь Васи и через некоторое время разобралась в ситуации.

Оборотистая Линда сделала из огромной квартиры мужа некое подобие гостиницы. Здесь останавливаются строители, желающие поработать у москвичей. Впрочем, Линда не только сдает кубатуру, она еще и служит, так сказать, менеджером по трудоустройству гастарбайтеров, находит для них объект и получает деньги за посредничество. Благодаря активности жены семья хорошо живет, ну, может, не так сладко, как некоторые, но на еде не экономит. А еще Линда была не против, когда муж купил «Оку», меньше пить будет, по этой же причине жена не пилит Васю и за тюнингowe штучки. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы про водку забыло. Впрочем, «улучшает» «Оку» Василий почти даром, ему по-

могает бывший коллега, а нынче владелец автосервиса.

Известие о больной малярше Васю не смутило, он быстро шмыгнул в ванную, а когда вылез оттуда, услышал, как Ахмед в недоумении сообщает:

– Не мой маляр! Не знать ее!

– Кто она такая? – растерялась хозяйка. – Меня по имени назвала, а потом в обморок упала. Василий! А ну, иди сюда!

Вася покорно вошел в комнату и вздрогнул, он тут же узнал свою Снегурочку и сообразил, как обстояло дело. Баба непостижимым образом вычислила его адрес, отогнала машину во двор, не сумела вытащить тяжелого мужика и пошла за помощью к Линде. Слава богу, что эта активная идиотка свалилась без чувств, не успев довести начатое дело до конца, подцепила небось грипп и теперь валяется в отключке.

Вася просто похолодел, представив, что могло произойти, окажись Снегурочка здоровой.

Наверное, на лице мужа отразились какие-то чувства, потому что Линда нахмурилась.

– Ты ее знаешь! Не вздумай врать! Кто она?

Василий вздрогнул и помимо воли ляпнул:

– Ольга, моя троюродная сестра.

– Кто? – изумилась Линда.

Вася сгреб в охапку все свои способности и начал выкручиваться:

– Ну, я ее сестрой считаю. У моего деда был брат, у того сын, а это его дочь... э... Оля! Да, Оля. Свалилась на голову!

Небось работу искать приехала. Я с ней недавно по телефону разговаривал, она просилась пару деньков у нас пожить. Портнихой хочет пристроиться, шьет здорово, я ей про тебя рассказал, имя твое назвал.

– А почему меня не предупредил? – прищурилась Линда.

– Ну... когда Ольга звонила, тебя не было, а потом я забыл, – вывернулся Вася, – думал, она не прикатит, просто болтает.

– Ясно, – кивнула Линда, – пусть живет, не жалко.

– Из-за тебя я третий день дома сижу, – сказал Вася.

– Как третий? – отшатнулась я.

– Вот так, – спокойно заявил Василий, – боялся, что в себя придешь и Линде наболтаешь ненужного, сказал, отгулы у меня на Новый год.

– А Новый год где? – растерянno поинтересовалась я.

– Ты его проспала, – вздохнул Василий, – вообще все время дрыхла, только пила и на горшок ходила, а я за тобой ухаживал, боялся, что ты говорить начнешь и Линда правду узнает. Хорошо-то как, что ты в себя вовремя пришла, Линда на объект поехала. Давай договоримся, ты у нас пару дней поживешь, ну вроде и впрямь приехала работу искать, а потом прощайся и уходи. Иначе нельзя, Линда очень подозрительная.

Я молча смотрела на Васю, уж не знаю, отчего он такой идиот: может, алкоголь сровнял извилины, а может, добрая жена регулярно лупит муженька по голове скалкой. Он ведь

совсем не знает меня и предлагает остаться! А вдруг Снегурочка воровка?

– Тебя как зовут-то? – догадался спросить Вася.

– Ви... – начала было я, но вдруг решила не говорить правду. – Видишь ли... Меня зовут Ольга, ты случайно угадал. Жить мне временно негде. Хотела подработать, да никак устроиться не могла, вот и набрела на фирму с Дедами Морозами.

Вася хлопнул в ладоши:

– Классно! Живи тут. Фамилия у тебя какая?

– Та... Тарасова.

– Здорово! Оля Тарасова, – забормотал Вася, – главное, не забыть. Шикарно получится! Ты молчишь про Снегурку, я ни гугу о том, что мы друг друга не знали раньше. Линде наврешь, что ходишь портнихой наниматься, а сама со мной будешь ездить Снегурочкой по людям. Заказов у меня до тринадцатого января, затем исчезнешь, вроде домой покатила, идет?

– Нет, – ответила я.

– Почему? – оторопел Вася.

– Недосуг мне с тобой по квартирам ходить, – объяснила я, – своих дел полно, извини, я уйду!

– А я как без Снегурки?

– Не знаю.

– Ну ваще! Вот скажу Линде, что ты мне не сестра, а воровка, – пригрозил Вася.

Я усмехнулась:

– Попробуй. Линда очень обрадуется, когда узнает о твоих подвигах и артистической деятельности.

Василий заморгал, было видно, что он не ожидал от меня такого коварства. Может, и нехорошо разговаривать с дурачком подобным образом, но во мне неожиданно проснулись все черты характера, похороненные за время брака с Олегом.

– Слушай внимательно, – велела я.

Вася приоткрыл рот.

– Ну!

– Я поругалась с мужем, сейчас съезжу домой и посмотрю, что к чему, если супруг продолжит скандал, вернусь сюда, понял?

– Ну, – растерянно повторил Вася.

– Сколько проживу у тебя, не знаю, это зависит от некоторых обстоятельств, над которыми я не властна. За комнату заплачу.

– Ага, – кивнул Вася.

– И скажу Линде, что являюсь твоей родственницей.

– Угу.

– По рукам? – улыбнулась я.

– А Снегурка? – деловито осведомился Вася. – Мне без нее кирдык.

– Найдешь ты себе внучку, кстати, мой заработок возьми за тот день себе.

– Согласен, – кивнул Вася, – впрочем...

– Что еще?

– Линда за комнату двести баксов в месяц берет.

– Дорого, но ничего.

– С тебя двести пятьдесят.

– Это почему?

– Полтинник мне за сохранение тайны.

– Наоборот бы надо.

– Как это? – попался Вася.

– С меня сто, а еще столько же ты доплачиваешь, чтобы я язык за зубами держала!

– Офигела! – подпрыгнул он.

– После тебя, – невозмутимо отбила я мяч. – Как аукнется, так и откликнется!

– Ладно, уж и пошутить нельзя, – пошел на попятную Вася, – экая ты гоношистая!

– Сама посмеяться люблю, – кивнула я, – в общем, договор подписан и обратного хода не имеет.

Глава 6

На улице стало совсем холодно, поглубже натянув на голову капюшон, я понеслась к метро и по дороге купила в булочке булочку с сосиской. Конечно, это не слишком полезная еда, но голод скрутил желудок, а от ларька исходил замечательный аромат.

Вцепившись в хот-дог, я вскрикнула. Вот беда, снова заболел зуб, сверху справа. Наверное, выпала пломба, или еще какая-то неприятность приключилась. Если честно, то зуб ныл уже давно, реагировал на холодное, горячее и на сладкое. Но поскольку боль потом проходила, я не шла к стоматологу, очень некрасиво в этом признаваться, но я предпочитаю садиться в кресло дантиста только в самых крайних случаях.

Мой лечащий врач Наталья Алексеевна Колесникова и медсестра Татьяна Михайловна постоянно говорят:

– Виола, милая, поймите, легче справиться с маленькой бедой, чем решать глобальную проблему.

Но я все равно оттягиваю визит к ним до того момента, когда уже не пойти просто невозможно, глаза на лоб от боли вылезают!

В последний раз я приползла к Наталье Алексеевне со слезами на глазах и с порога застонала:

– Мне заморозку по полной программе.

– Обязательно, – заверила Колесникова.

– Виолочка, – осторожно напомнила Татьяна Михайловна, – нам не жалко для вас ампулы, но ведь, душенька, вы хорошо знаете, что в случае воспаления анестезия практически не действует.

– Тогда полный наркоз, – заныла я.

– У вас ничего серьезного нет, – сообщила Наталья Алексеевна, – это не зуб, воспаление на десне, дела на три секунды.

– Хочу полную заморозку от головы до плеч, – заявила я. Татьяна Михайловна ласково предложила:

– Давайте я за ручку вас подержу?

Если бы милые врач с медсестрой наорали на меня, я бы, прикусив язык, спокойно полезла в кресло, но Наталья Алексеевна и Татьяна Михайловна квохчут, словно наседки, над любым пациентом, из них рекой изливаются забота и участие, поэтому я начинаю капризничать по полной программе, великолепно понимая: в этом кабинете меня будут гладить по голове, жалеть, ласкать...

– Только наркоз, – уперлась я.

– Таня, – сказала Наталья Алексеевна, – ты видишь?

– Угу, – качнула головой медсестра.

– Давай пленочку.

– Сейчас.

Через секунду у меня во рту все онемело, Наталья Алексеевна позвякала железками и спросила:

– Вам не было больно?

– Ни секунды, – восхитилась я, – даже укола не почувствовала!

Колесникова улыбнулась.

– Эта пленочка наклеивается на слизистую, обезболивает не сильно, но в вашем случае вполне было достаточно.

– И где такую берут? – спросила я.

Татьяна Михайловна погрозила мне пальцем:

– Ох, сдается мне, вы решили ее себе сами клеить и к нам не ходить!

– Что вы! – воскликнула я, хотя на самом деле именно эта мысль поселилась в голове.

Наталья Алексеевна протянула мне конвертик.

– Вот, держите. Если сильно заболит десна, отрежете ку-сочек и приклеите сами, это очень просто, но потом сразу к нам.

– Конечно, – заверила я и схватила подарок.

С тех пор упаковка лежит на столе, под карандашницей, сейчас возьму ее, и мне сразу станет легче.

Родное гнездо выглядело совсем уныло. В прихожей и по коридору мотались клоки пыли, на тумбочке у зеркала вы-силась банка из-под растворимого кофе, почти вся забитая окурками, но больше всего меня удивила непонятная обувь, кучей громоздившаяся на полу. Какие-то сапоги на платфор-ме, ботинки. Поизумлявшись пару секунд, я подняла голову, увидела открытую настежь антресоль и все сразу поняла. В

связи с надвигающимися морозами Олег решил найти свои меховые сапоги, залез туда, где мы храним обувь, и вывалил то, чем никто давным-давно не пользуется. Надо же, я совсем забыла про эти сапожки. Кстати, чьи они? Мои или Тамарочкины? И с какой стати я запихнула их подальше? Они вполне прилично выглядят, так сказать, вне моды, толстая подметка и «начинка» из цигейки. Может, у них не работает «молния»? Надо как-нибудь собраться с силами, вытащить с антресолей все узлы, чемоданы и порыться в них как следует, вон какие хорошие вещи можно там отыскать!

Дверь кухни приоткрылась, и оттуда выбралась зевающая собака Дюшка, увидав меня, она бросилась вперед. Я обняла собаку и стала гладить спутанную шерсть. Дюшка похудела, впрочем, ей это только на пользу, но, похоже, собачку не расчесывают и не моют ей после гуляния лапки.

Внезапно острая игла вонзилась в сердце. Ну какого черта я решила «держать фасон» и обозлилась на мужа? Что хорошего получилось в результате? Почему я обиделась на Олега? В семье может случиться скандал, но это не значит, что следует закусывать удила. Да уж, наваляла я дров, наделала глупостей. Вообще-то, я надеялась, что Олег первым сделает шаг к примирению, испугается, начнет звонить, но Куприн, похоже, продолжает злиться на меня. Впрочем, небось он тоже тоскует, только не признается. И как ужасно выглядит квартира, да и Дюшка смотрится не лучше. Представляю, в какой шок придет Томочка, вернувшись с Кипра.

На глаза навернулись слезы. Все, решено, хватит, на сердитых воду возят! Сейчас, засучив рукава, я вычищу комнаты, перестираю кучу грязного белья, сделаю обед, а когда муж вернется домой, брошусь ему на шею и скажу: «Милый, прости. Я считала себя гениальной писательницей, но из «Марко» меня выгнали вон, наверное, поэтому я неадекватно отреагировала на нашу пустяковую ссору. Дома меня не было лишь по одной причине: похоже, я заболела и проспала у чужих людей пару дней! Прости, пожалуйста, я люблю тебя!»

Естественно, Олег моментально обнимет меня, а если все же будет продолжать сердиться, я занюю: «Зубы болят, сил нет!» – и муж начнет меня жалеть.

Не успела я вспомнить про клык, как в десну словно воткнулся горячий нож. Тихо повизгивая от боли, я ринулась в спальню, распахнула дверь, подлетела к письменному столу и схватила спасительную упаковку. Так, где ножницы? Ну куда они подевались! Может, они на столике у кресла?

Я обернулась и вздохнула. Постель выглядит безобразно, правда, Куприн сменил белье, но заправлять кровать перед уходом не стал, более того, похоже, муж спал ровно посередине ложа, оба одеяла скомканы... Кстати, вот и ножницы. Олег зачем-то положил их на тумбочку, я шагнула вперед и замерла.

Пуховое одеяло зашевелилось, из-под него высунулась всклокоченная голова.

– Вы кто? – прошептала я.

– Лена, – ответила хрупкая девушка, – Кратова Лена, а вы?

У меня отчего-то похолодели уши, озноб пробежал колючим ручейком по спине.

– Я? Разрешите представиться, Виола Ленинидовна, жена Куприна, хозяйка квартиры, в которой вы столь бесцеремонно почиваете!

– Ж-ж-жена Олега? – прозаикалась нахалка.

– Да.

– Но он сказал, он сказал, он сказал... э...

– Что вам сказал мой муж? – прошипела я.

– Якобы Вилка уехала к больной маме, и мы можем пока спокойно пожить в этой комнате, – ляпнула девица, машинально поправляя вздыбленные кудряшки.

Комната завертелась у меня перед глазами, плохо понимая, что делаю, я схватила стоявшую на столе пластиковую бутылочку с клеем и швырнула в хамку. Пузатая бутылочка попала прямо в лоб любовнице Олега. Отвратительная особа молча свалилась в подушки, а я, схватив из ящика деньги, потом полоску для десны, опрометью бросилась из квартиры вон, единым духом долетела до метро, плюхнулась в вагоне на сиденье, закрыла глаза и попыталась унять озноб.

Вот оно что! Олег воспринял нашу дурацкую ссору всерьез и решил, что я навсегда покинула его. Вместо того чтобы бить в набат, поставить на ноги всю московскую мили-

цию и искать пропавшую жену, Куприн решил оттянуться по полной программе! И у него есть любовница!!! Муж изменяет мне!

Стараясь не зарыдать, как кликуша, я изо всей силы прикусила нижнюю губу, моментально заныл больной зуб, но физическое страдание было ничто по сравнению с моральными переживаниями.

Спокойствие, Виола, главное, спокойствие! От того, что ты сейчас заревешь на глазах у пассажиров, ситуация не изменится. Плач – это эмоция, дадим ей выход позднее, сейчас следует решить более конструктивные задачи. Что делать?

Неожиданно слезы высохли, на смену им пришла злость. Значит, Олег променял меня на эту кудлатую крысу. Ладно, еще посмотрим, кто окажется на вершине горы! Пусть Куприн пока радуется жизни с этой дешевой девицей. Скоро домой вернется Томочка, а при ней майор не посмеет даже заикнуться о том, чтобы оставить у нас сию, с позволения сказать, Лену. Впрочем, и Семен, и Кристина тоже будут исключительно на моей стороне, значит, Олегу и крысе придется встречаться где угодно, но не в нашей супружеской спальне. Хорошо, я позвоню Томочке и успокою подругу, расскажу ей все в деталях и объясню:

– Пожалуйста, не беспокойся, я живу в комфортных условиях, но домой пока возвращаться не стану, появлюсь лишь после того, как напишу и опубликую новый роман, замечательный бестселлер. Войду в квартиру, осыпанная цвета-

ми поклонников. Вот когда руководство «Марко» сгрызет от злости все письменные столы в новом здании издательства! Поймут, какого автора турнули, да поздно будет. Да и Олег...

На глаза снова накатили слезы, я сердито потрясла головой: хватит! Трудности надо решать по мере их поступления и радоваться самым маленьким удачам! Однако, я молодец! Несмотря на шок, прихватила из квартиры обезболивающие полоски, приду к Линде, наклею одну на десну и попробую составить план действий.

Тут я призадумалась. Нет, Куприн решил со мной развестись. Последнее время мы очень часто с ним выясняли отношения на повышенных тонах. Я-то, наивная Чебурашка, никак не могла понять, отчего муж столь переменялся, ну почему он вдруг трансформировался в раздраженного, злого, нетерпимого субъекта, а, оказывается, дело-то простое. У Куприна появилась новая любовь, и, естественно, жена стала ему не нужна, я столько раз писала об этой более чем банальной коллизии в книгах и теперь внезапно стала героиней одной из таких историй.

Надо же, я так доверяла мужу, мне и в голову не могли прийти мысли о его измене. Нет, с Олегом общаться нельзя, домой возвращаться противно, местные кумушки, бабушки, обожающие прогуливаться перед подъездом в любую погоду, уже вовсю обсуждают животрепещущую новость. И я совершенно не способна лечь спать на кровать, где ночевала Лена. И что мне делать? Позвонить в «Марко»? Но меня выгнали

из издательства, никто не собирается искать Арину Виолову и уж тем более помогать ей. В этом мире, знаете ли, каждый за себя.

К глазам подступили слезы, в горле заворочался комок. Я моргнула, тяжелая капля поползла по щеке, вслед за ней покатились вторая, третья. Боже, какая я несчастная, одинокая, никому меня не жаль.

Внезапно из глубины души поднялась волна злости. Я встряхнулась. А ну, приди в себя, Вилка, и прекращай нюнить. На этом свете не бывает безвыходных положений и доводят себя до слез только истерики, а я никогда не испытывала уважения к плаксивым, слабым личностям. С обстоятельствами следует бороться, и надо стать назло всем счастливой.

Слезы мгновенно высохли. Значит, так, Олег нашел себе любовницу и решил уйти от меня? Семь футов ему под килем, трусу. Настоящий мужчина честно скажет супруге: «Прости, дорогая, я разлюбил тебя».

Только, похоже, истинных представителей мужского пола можно по пальцам пересчитать. Впрочем, я и раньше об этом знала, но наивно полагала, будто обладаю одним из раритетов. Что ж, иллюзия лопнула, но это не повод для соплей.

Издательство «Марко» надумало выбросить Арину Виолову? Его сотрудники тоже поступили не лучшим образом, но я не стану рыдать у них на пороге.

Я сильная, смелая, умная, выплыву. Сначала отыщу того,

кто убил Асю, потом напишу об этом расследовании книгу и отнесу ее... нет, не в «Марко», а в другое издательство. Роман обязательно напечатают, я получу за него престижную премию, супергонорар, и тогда посмотрим, кто в конце концов станет рвать на себе волосы от горя! Давай, Вилка, действуй, да поторопись, чтобы поскорей утереть нос изменщику! Олег еще зарыдает от злости, когда увидит на всех лотках мое новое произведение и поймет, что я не переживаю, а работаю. Я еще докажу им всем! Увидят, на что я способна.

Глава 7

Около пяти вечера я, плотно надвинув на голову капюшон куртки, звонила в дверь квартиры, где еще недавно жила Ася. Палец давил на пупочку, за створкой заливалась веселая трель, чем дольше я стояла на лестнице, тем яснее понимала: Бирюковы опять спят. Может, постучать в дверь ногой? Не успела эта мысль прийти в голову, как послышался тоненький голосок:

– Иди, иду, нечего нервничать.

Замок щелкнул, на пороге появилась белокурая, худая до прозрачности девушка.

– Вы к кому? – без тени страха или волнения спросила она.

Я приветливо заулыбалась.

– Я Асю ищу.

– Локтеву? – попятилась девушка.

– Вы, наверное, ее соседка? – пошла я в атаку.

Худышка кивнула и молча уставилась на меня.

– Можно войти?

– Э... да... пожалуйста!

Я осторожно ступила в прихожую и, подавив неприятные воспоминания, прощebetала:

– Ася где?

– Вы ей кто? – отмерла девица.

Я махнула рукой:

– Объяснить трудно, родня, одним словом. Только мы сто лет не встречались. Ася в Москве живет, а я в... в... Брумбейске!¹ Это город такой... в... в... Молдавии. У нас с работой плохо, ну я и решила в Москву податься, у Аси временно остановиться.

– Бабуля, – заорала девица, – выгляни!

Послышалось шарканье, и в коридор выползла старуха, на этот раз, похоже, трезвая. Я совершенно не опасалась быть узнанной. В тот день, когда убили Асю, милая старушка лежала пьяной, а на мне был костюм Снегурочки и парик с большой челкой, прикрывавшей лоб. Накладные волосы сильно изменяют внешность, если не верите, купите себе белокурые косы, померяйте и посмотрите в зеркало, ей-богу, воскликнете: «Это кто же такая?»

– Ба, – забубнила девица, – а ну, разберись с ней, она Асю ищет!

Старушка уставилась на меня выцветшими глазами и очень ласково осведомилась:

– А ты кто, деточка?

Я бойко изложила только что придуманную версию про гастарбайтершу из Брумбейска. Бабушка широко улыбнулась.

– Звать тебя как?

– Ольга, – быстро представилась я, – Тарасова!

¹ Название населенного пункта выдумано автором.

– А я Вера Ивановна, ты на кухню проходи, – предложила пожилая женщина.

Усадив меня на колченогую табуретку, Вера Ивановна вдруг сказала:

– Нехорошо людей обманывать.

Я заморгала.

– Вы о чем?

– Да о тебе, милая. Вот уж придумала! Из Молдавии она, – тихо зажурчала бабушка, – куртка на тебе с рынка, в таких полстолицы ходит, и сапожки, как у моей Катьки, она их у метро в магазине распродаж взяла.

Наверное, следовало начать выкручиваться и сказать Вере Ивановне: «Верхнюю одежду шили в Китае, а обувь в Италии, с чего вы взяли, что только москвичи такую купить могут». Но я, пораженная наблюдательностью старухи, не нашла сразу нужных слов.

– И еще в одном ты ошиблась, – мирно журчала Вера Ивановна, – мы с Асиной матерью целую жизнь в одной квартире обретались, я все про нее знаю, никаких родственников у Ники не имелось, ни о ком она не рассказывала! Так зачем ты ищешь Асю?

В моей голове лихорадочно завертелись мысли, по большей части глупые: прикинуться социальным работником, агитатором от какой-нибудь партии, школьной подругой Аси...

– Да знаю я, кто ты! – неожиданно заявила Вера Ивановна.

– Кто?!

– Решила удостовериться, правда ли разлучница умерла?

– Кто?!!

Старуха выдвинула ящик стола, вытащила из него пачку дешевых сигарет, чиркнула зажигалкой, с видимым удовольствием затянулась и шлепнула ладонью по столу.

– Хорош кривляться. Ты – Роза Башметова, жена Ильяса, в одном садике с Асей работаешь, так?

Я молчала, не зная, как реагировать, но старуха приняла мою растерянность за подтверждение своих слов и кивнула.

– Ага, сказать-то и нечего. Я, между прочим, на твоей стороне была. Когда Ася про Ильяса заговорила, сразу ей сказала: «Не лезь в чужую семью, дети у них, не уводи мужика, счастья тебе это не принесет. Ищи холостого». Понимаешь?

Я кивнула.

Вера Ивановна сделала пару затяжек и продолжила:

– А она только смеялась!

Старуха сердито раздавила окурок в пустой консервной банке, служащей тут, видимо, пепельницей, потом встала, подошла к двери, выглянула в коридор, поплотнее прикрыла створку, приблизилась ко мне, задрала рукав халата и показала шрам на предплечье, неровный, уродливый.

– Всем говорила до сих пор, что в юности обожглась, – заявила бабка, – вот след и остался!

– Случается подобное, – кивнула я, плохо понимая, куда клонит Вера Ивановна.

– Так ведь я и правда обожглась, – вздохнула старуха, – татуировку сводила. Наколка у меня была, это сейчас татушка у каждого второго, а в мою юность рисунок на теле позором считался: раз у человека тату имеется, значит, на зоне сидел. Мужики, правда, в армии себе отметины делали, а бабы только по уголовке получали. Так-то.

– Вы отбывали срок? – уточнила я.

Вера Ивановна кивнула:

– Да, давно очень, только девки не знают, да и незачем им, я бы и сейчас ничего не сказала, да жаль тебя, сама на твоём месте была. Мужа имела, Степана. Красавец хоть куда, весь наш городок по нему сох, из богатых семей девки себя предлагали, а выбрал Степа меня, нищету горькую. Три месяца вместе прожили, а потом соседки стали нашептывать: «Твой-то с Анфисой, с телятницей, шуры-муры в сарае крутит». А я молодая была, глупая, мозгов никаких, ну и решила муженька на любовнице взять. Подстерегла парочку и собственными глазами факт измены и увидела. Знаешь, что дальше случилось?

Я покачала головой.

– Вилы там стояли, – вздохнула Вера Ивановна, – у меня, как спину мужа увидела, всякий разум отшибло. Сама не помню, как железку в него воткнула, Степана убила, Анфиса жива осталась, даже не поцарапанная вылезла. Судили меня и дали мало, бабы все в нашем колхозе на моей стороне были, адвокат речь толкнул такую, что даже прокурор слезами

умылся. Отправили меня на зону, вышла я, потом в Москву уехала, на кирпичный завод подалась, опять в ЗАГС сбегала, и все, жила хорошо. Только нет-нет да приснится Степа. Стоит, пальцем грозит: «Ну, погоди, Верка, свидимся мы с тобой в загробной жизни, покажу тебе, где раки зимуют». Поняла?

– Зачем вы передо мной свои тайны раскрываете? – настороженно спросила я.

Вера Ивановна снова потянулась к сигаретам.

– Да к тому, что я сразу сообразила, кто Асю пристрелил, Роза Башметова, жена ее любовника Ильяса.

– Но...

– Слушай внимательно, – сурово сказала старуха. – Аську не вернуть, хоть она мне и вроде внучки была, только не жалею я о девке, тот еще фрукт гнилой, всего тебе рассказывать не стану, но только поверь, много чего за ней водилось. А Ильяс, похоже, дурак, раз к такой уйти надумал. Да и ты без особого ума, если на убийство решилась. О детях подумала? Их кто на ноги поднимать станет? Полагаешь, коли жену за решетку сунут, муженек начнет передачи таскать? Никогда! Мигом разведется и забудет тебя, ребят в интернат сдаст. Кому ты хорошо сделала? Если кобель на сторону побежал, так и будет шлаться: тут надо либо делать вид, что ничего не знаешь, либо уходить. А ты чего придумала? Мне как про Снегурку рассказали, я сразу врубилась, что к чему! У себя в садике ты костюмчик взяла! Правильно?

Глаза старухи будто сверлили меня, и я невольно поежилась.

– Значит, верно, – вздохнула Вера Ивановна, – ступай домой и сиди тихо. Я ментам ничего не сказала, терпеть их еще со старых времен не могу, никаких намеков не дала. Смотри не проговорись сама, затаись, а весной уезжайте из этого района, в другой переберитесь, садиков полно, няньки везде нужны. На новом месте и болтовни не будет. К нам больше не ходи, Ася умерла, убила ты ее! Все, ступай и скажи спасибо, что на меня нарвалась, другая бы не пожалела убийцу, а я тебя очень хорошо понимаю! Убирайся! Никаких следов ты тут не оставила, ничего менты у нас не нашли чужого. Соседи болтают, на лестнице ботинок лежал, здоровенный, так он от костюма, бояться нечего. Давай, давай, а то сейчас Катька прибежит и расспрашивать начнет. Ты что в садике сказала? Как объяснила свое отсутствие во время рабочего дня?

– Э...

– Впрочем, ясно, – отмахнулась Вера Ивановна, – выходящая ты, небось сменами, как Аська, работала!

– Да, – согласилась я, пятясь к двери, – именно так!

– Вот и торопись назад, пока твоя малышня вопль не подняла, – велела Вера Ивановна, – забудь сюда дорогу!

В прихожей я наткнулась на Катю, та перекрестилась.

– Жуть!

– Да, – кивнула я, – скажи, в каком садике работала Ася? Катя, не задавая лишних вопросов, быстро сказала адрес.

Выйдя на проспект, я проехала пару остановок на автобусе, потом вышла, завернула за угол дома и увидела типовое двухэтажное здание из светлого кирпича. Дверь оказалась незапертой, я толкнула ее и вошла в узкий коридор, выложенный желто-коричневой плиткой. Сразу вспомнились школьные годы, точь-в-точь такой «кабанчик» лежал у нас в столовой и на первом этаже около раздевалки.

В воздухе пахло едой, похоже, деткам сегодня подавали мясной суп и гречневую кашу. Оглядевшись по сторонам, я увидела стенд «Уголок родителя» и стала читать вывешенные на нем объявления. «Дети, приведенные после завтрака, в сад не допускаются». «Внимание! Всем оплатить квитанции до двадцатого января». «Открывается кружок мягкой игрушки, занятия платные, запись у Розы Башметовой, девятая группа».

– Вы к кому? – крикнула появившаяся в коридоре тучная особа в белом халате.

– Хочу деньги сдать за кружок мягкой игрушки, – спокойно пояснила я, – тут написано, что их собирает Башметова.

– Второй этаж, налево, – сказала толстуха и ушла.

Я пошла вверх по крутой лестнице и уткнулась в дверь с табличкой «Группа 9», толкнула ее и обвела глазами помещение. Узкая комната казалась совсем тесной из-за шкафчиков, плотно натканных по стенам. Перед ними тянулась невысокая скамеечка, на которой сидел с самым несчастным видом худенький мальчик, одетый в темно-синий комбине-

зон. Около малыша стояли две женщины. Одна, принаряженная в новую дубленку, очевидно, мама, вторая, скорее всего, сотрудница садика, потому что она была в платье и тапках.

– Мишенька, – кудахтала мама, – ты же дал папе честное слово, что будешь ходить в садик!

Мальчик тихо всхлипнул.

– Посидишь совсем недолго, – вступила в разговор воспитательница.

Миша снова зашмыгал носом.

– Все детки у нас спокойно мамочек ждут, – продолжала тетка, – слышишь, как тихо, не дерутся, не кричат, у каждого свое место. Видишь шкафчики, выбирай, какой тебе больше по сердцу, и устраивайся.

Миша робко протянул ручонку к дверце, украшенной изображением машинки.

– Этот занят, он Петин, – остановила его воспитательница, – бери другой, с вишенкой.

Мальчик захныкал.

– Миша! – закричала мать.

Сын кое-как справился с рыданиями.

– Поцелуй меня, – велела мама, – я скоро вернусь.

Ребенок покорно чмокнул ее в щеку, вел он себя, как человек, которого тащат на казнь, жертва палача не сопротивляется, она покорилась обстоятельствам.

– Ну все, дружок, давай пошли, – решила ускорить про-

щание женщина в платье.

Миша безнадежно кивнул, потом тихо сказал:

– До свиданья, мама, буду тут сидеть, пока ты меня не заберешь!

С этими словами малыш открыл шкафчик и... с трудом впихнувшись внутрь, закрыл за собой дверку.

– Миша! – заорала мать, кидаясь к сыну. – Ты сошел с ума.

Вытащив мальчика наружу, мамаша сурово спросила у него:

– Зачем ты туда влез?

– Ты же сказала, что детки в саду хранятся до возвращения мамы, – горько зарыдал ребенок.

Женщина растерянно обняла сына.

– Да уж, – фыркнула воспитательница, – не похоже, чтобы вы хорошо подготовили мальчика к садику. Уводите его домой и объясните малышу, что в детском учреждении ребята не хранятся в шкафчиках, а играют со сверстниками.

Мамаша подхватила сына и, не сказав ни слова, убежала, воспитательница повернулась ко мне:

– Слушаю вас.

– Вы Роза Башметова?

– Нет.

– Позовите ее, пожалуйста, – улыбнулась я.

– Роза сегодня выходная, приходите завтра.

– Не подскажете, где живет Башметова?

Воспитательница прищурилась:

– Зачем вам адрес?

Я улыбнулась.

– Извините, что не представилась, я курьер из магазина электротехники. Башметова в кредит телевизор брала, я ей должна счет передать, обязательно сегодня, иначе штраф начислят.

Честно говоря, придуманный повод не выдерживал никакой критики, но работница детского садика то ли была не особо сообразительной, то ли сочла объяснение подходящим.

– Рядом она проживает, – без тени колебаний заявила тетка, – вон там, видите блочную башню?

Я посмотрела в окно.

– Какую из трех?

– Первую. Нашли?

– Да.

– Ну и отлично. Ступайте туда, девятый этаж, самая последняя квартира, номер не помню.

Поблагодарив ее, я побежала к дому, без особых проблем вошла в неохраемый подъезд, добралась до нужной двери и позвонила.

Створка распахнулась мгновенно, явив взору крепенькую, похожую на репку молодую женщину.

– Здравсти, – кивнула она, вытирая руки о фартук, – вам кого?

– Розу Башметову.

– Это я, – сказала хозяйка, – а в чем дело?

– Ваш муж, Ильяс, дома? – вопросом на вопрос ответила я.

– Нет, – растеряннo отозвалась Роза, – так вам Ильяса или меня?

– Вас, – спокойно сообщила я, – хотя разговор пойдет об Ильясе.

Неожиданно Роза съежилась.

– Я вас не понимаю.

– Можно войти?

– Ну... ботинки снимите, – после секундного колебания ответила Башметова, – я полы только-только помыла.

Тапочек она мне не предложила, пришлось идти по линолеуму в носках, ощущая под ступнями просто ледяной пол.

– Ты вообще кто такая? – решила отбросить всякие церемонии Роза, введя меня на кухню.

– Вы Асю Локтеву знаете? – вопросом на вопрос ответила я.

В лице Розы ничего не дрогнуло.

– Конечно, – кивнула она, – в одном садике работали, да в чем дело?

– Асю убили.

Роза кивнула:

– Да, вот жуть! Говорят, ее соседи Деда Мороза вызвали со Снегуркой, а пока «дедушка» малышей развлекал, «внучка» решила по комнатам пошуровать. Влезла в гардероб, тут

ее Аська и застала, вроде они подрались, и баба Асю пристрелила.

– Кто же вам эту версию изложил?

– Ну... все говорят... в садике, к директору милиция приходила.

– А вот у меня иные сведения.

– Какие? – отшатнулась Роза.

– Асю убила женщина из ревности, обнаружила, что Локтева закрутила роман с ее мужем, и решила наказать разлучницу.

– Вы кто? – прошептала Роза.

– Та, кто знает все.

– П-простите, – пролепетала Роза, – я не п-понимаю...

– Вашего мужа зовут Ильяс?

– Да.

– И он бросил вас, ушел к Асе!

Роза попыталась покачать головой, но внезапно зарыдала, слезы покатились по ее щекам потоком.

– Неправда! – закричала она. – Ни при чем я! Откуда вы узнали! Мы договорились между собой! За дачу! Для детей надо! Вместе решили! Он... я... она...

У Розы, похоже, начиналась истерика. Я встала, вынула из сушки чистую чашку, налила туда воды и поставила перед Башметовой:

– Пей.

Роза залпом осушила ее и прошептала:

– Ты кто?

Глава 8

– Оля Тарасова, – ответила я, – человек, который ищет убийцу Аси Локтевой.

– Я ни при чем совсем, – снова заплакала Роза, – ну откуда ты узнала? Мы так таились, ни одна живая душа...

– Послушай, – перебила я ее, – ты хочешь внушить мне, что знала об отношениях между мужем и любовницей и одобряла их?

– Если бы ты в нищете пожила, – вдруг очень зло ответила Роза, – так тоже б на все согласилась! Я у родителей девятая по счету! Девятая! Ну за фигом столько нарожали! Нет уж, ты слушай, раз пришла, слушай!

Дрожащими руками Роза вцепилась в мои плечи и сердито заявила:

– Видно, живешь хорошо, вон цепочка золотая на шее висит.

Я машинально потрогала украшение.

– Чем тебя эта скромная вещь обозлила? Муж мне подарил на годовщину свадьбы, недорого стоит, любому нормально работающему человеку по карману, отечественное производство, эту модель сто лет небось производят.

Роза отпустила меня и спросила:

– Сколько братьев и сестер имеешь?

– Никого, одна я.

Башметова горько улыбнулась.

– Не понять тебе меня, небось жила в достатке, папочка с мамочкой пылинки с тебя сдували, а мои... эх! Все из-за нищеты получилось!

Я молча смотрела на Розу. Рассказать истеричке, что матери я никогда не знала, а с отцом не была знакома до зрелых лет? Что воспитывала меня постоянно пьяная мачеха Раиса и особого достатка у нас дома никогда не было?

Башметова тем временем встала, вытащила из шкафчика темный флакон с каким-то лекарством, отхлебнула из горлышка, поморщилась и сказала:

– Значит, разнюхали наши бабы! Ты из милиции?

Я покачала головой:

– Нет, из частной структуры.

– Откуда? – не поняла Роза.

– Работаю в фирме, которая за деньги ищет виновных в преступлениях, – доходчиво пояснила я.

– И кто же тебя нанял? – неожиданно поинтересовалась Башметова. – У Аси никаких родственников нет, а друзья от нее давным-давно сбежали!

– Милиция нашла в подъезде паспорт на имя одной женщины, – быстро соврала я, – и теперь обвиняет ни в чем не повинного человека в убийстве, меня нанял супруг несчастной.

– А-а-а, – протянула Роза, – значит, она бедняжка! Хитро получается! С чего вы решили, что я с какого-то боку

при этой истории? Может, эта баба и есть убийца! Зря, между прочим, милиция ее не арестует! Вон у нашей директрисы в садике сына посадили! Тоже ходила, пела: «Сереженьку несправедливо в тюрьму сунули, мальчика оговорили». А что все узнали потом? Ее Сереженька нескольких девочек испортил, да в конце концов на такую нарвался, которая стыда не побоялась и в ментовку побежала!

– Моя клиентка ни при чем, – резко перебила я Розу, – она просто документ выронила, с Асей Локтевой женщина никогда и знакома не была. А вот вы с убитой в одном месте работали и Ильяса поделить не могли. Похоже, ты, голубушка, постаралась! Живо говори, где пистолет взяла!

– Да что ты о моей жизни знаешь! – взвилась Роза. – Девятой у родителей была! Ничего хорошего отродясь не видела!

– Это еще не повод, чтобы людей убивать, – возразила я, – и потом, при чем тут количество членов семьи?

– Не трогала я Аську! Мы дружили!

– Очень часто нежные отношения трансформируются в ненависть, в особенности если подруженьки поругались из-за мужика. Ладно, понятно, собирайся.

– К-куда? – испуганно спросила Роза.

– В отделение пойдем! – рявкнула я. – Неужели тебя совесть не мучает? Сначала пристрелила женщину, а теперь хочешь невинного человека подставить!

– Не убивала я Асю, – заорала Роза, – не трогала ее, пылинки со сволочи сдувала! Что ты вообще знаешь?..

– Можешь больше не упоминать про девятого ребенка в семье, – ехидно ответила я, – но, по-моему, ты зря считаешь, что младшему дитятке позволено все. Впрочем, такое мнение часто имеют люди, которых родители сильно избаловали.

– Мои предки были сволочи, – окончательно перестала сдерживаться Роза, – и как я могла убить Аську? От нее мои дети зависели!

– Твои дети? От Локтевой? – удивилась я. – Что ты имеешь в виду? Ася была воспитательницей в группе, куда они ходили?

Роза скривилась и замолчала, спустя несколько минут она вдруг спросила:

– Значит, ты получаешь деньги за находку убийцы.

Я кивнула:

– Правильно.

– Следовательно, просто так от меня не уйдешь?

– Нет.

– И кто тебе растрепал про Ильяса и Асю? – в отчаянии воскликнула Роза. – Ни одна живая душа о них не знала!

– У стен бывают уши, а у шкафов глаза, – туманно ответила я.

– Сейчас ты вызовешь милицию...

– Верно!

– Я-то сумею доказать свою невиновность, – рассуждала вслух Роза, – но менты все равно в садик припрутся, с ди-

ректрисой побеседуют, а у нашей начальницы язык как помело, мигом разнесет весть... Слушай, сколько ты хочешь за то, чтобы уйти? А? У меня кое-что есть! Немного, правда...

– Ты не убивала Асю?

– Нет. Детьми клянусь, нет!

– Ну-ка расскажи мне, что вас связывало. Если я пойму, что ты не виновата, то уйду сама и никому ни слова о своем визите не скажу.

– Да, конечно, – закивала Роза, – слушай. Я была...

– Девятым ребенком в семье. Уже наслышана о твоём ужасном детстве, переходи прямо к сути дела.

– Но ты иначе ничего не поймешь, – неожиданно твердо сказала Роза.

Внезапно мне вспомнился Олег, частенько повторявший:

– Допрашивать человека нелегкое искусство, тут свои правила. Первый закон гласит: не перебивай. Пусть говорит сколько хочет, потом кучу ерунды отбросишь и поймешь, что главное. Собьешь свидетеля, он детали упустит, а уж поверь мне, крохотные, незначительные на первый взгляд подробности подчас очень важны!

– Говори, – велела я, – значит, ты родилась девятым ребенком в семье...

Родители Розы, люди верующие, богобоязненные, не признавали никаких ограничений рождаемости. Сколько господ деток послал, столько и хорошо, нельзя душу живую губить. Но, очень заботясь о душе, Семен и Нина не поду-

мали о теле, детей-то надо одевать, обувать, кормить, поить. Отец с матерью не были пьяницами или маргиналами, вовсе нет, оба работали не покладая рук, вернее, лопат и метелок, потому что были дворниками. Особого достатка в семье не было, и младшие дети донашивали вещи за старшими. Ели Башметовы в основном картошку и макароны, колбаса случалась лишь по праздникам, зато всем детям, как на подбор девочкам, романтик Семен дал красивые имена, назвал их в честь цветов: Гортензия, Анюта, Флокса, Пиона, Роза...

Будучи малышкой, Роза не задумывалась о материальном положении семьи и не расстраивалась, получив от Пионы абсолютно потерявшие внешний вид туфли, осознание нищеты пришло к девочке в первом классе, когда ее позвала к себе в гости на день рождения соседка по парте Леночка. Очутившись в шикарной квартире, Роза растерялась, увидела комнату Леночки и притихла. Чего только не было у одноклассницы: игрушки, книжки... А какая одежда висела в шкафу!

Придя домой, Роза со слезами на глазах бросилась к матери, та выслушала дочь и... поставила в угол.

– Зависть – страшный грех, – поучала Нина малышку, – вон какая ты нехорошая! Главное – не мирские блага, а вечное царствие божье, мешок с золотом туда пропуском не служит. Люди должны страдать, искупая свои грехи, только тогда им будет дарована вечная жизнь в раю.

В голове у Нины были весьма своеобразные понятия о вере и о том, как должны вести себя верующие люди. Посты

она соблюдала постоянно, для детей скидок не делала, на все просьбы Розы: «Мама, кушать хочется», – сурово отвечала:

– Налей воды и выпей, голод пройдет, это тебя бес искушает, послушаешься его, схватит и раздерет на части.

Роза, напуганная до одури, бежала к крану и покорно глотала пахнущую хлоркой воду. Но после посещения квартиры Леночки в душе девочки что-то перевернулось, и она поняла: не все люди несут жизнь, как тяжелый сундук с несчастьями, кое-кто живет радостно.

Принято считать, что в религиозных семьях вырастают хорошие дети, редко совершающие дурные поступки. От пьянства, воровства, хулиганства таких ребят удерживает вера. А еще полагают, будто многодетные семьи – это сплоченный коллектив, в котором один за всех и все за одного. Впрочем, в большинстве случаев так и бывает, однако то ли вера у Нины и Семена была кривая, то ли они имели некие генетические нарушения, но дети у них не задались. Сначала неприятность случилась с Гортензией, ее поймали в магазине, когда девушка пыталась украсть туфли, затем Флора связалась с какой-то компанией и ушла из дома. Нина и Семен ужесточили контроль за детьми, но, видно, плеткой дела было не исправить. Пиона начала пить, а Анюта ухитрилась забеременеть в четырнадцать лет. Вот тут Нина, забыв про святость, закричала:

– Аборт делать надо!

Анюта прищурилась и спросила:

– А как же душа невинная? Разве ее губить можно? Нас ты без счета нарожала! Значит, сама просто к врачу пойти боялась!

Разразился такой скандал, что Роза, тогда совсем маленькая, забилась под кровать, слушая дикие вопли мамы и хамски спокойные ответы сестры. Потом Аня выбежала за дверь, а утром пришла милиция и начался настоящий ужас. Оказывается, Аня повесилась на чердаке, оставив записку: «Лучше сдохнуть, чем так жить. В моей смерти виноваты родители».

Милиция, разбиравшаяся в деле, не нашла никакого криминала. Да, семья живет не слишком богато, даже бедно, но Нина варит еду и пытается привить детям лучшие качества, ни мать, ни отец не пьют, чего еще надо? В конце концов дело прикрыли за отсутствием состава преступления.

Нина же решила воспитывать оставшихся дочерей еще строже. Роза, лежа в постели, частенько думала: «Вот выйду замуж, рожу только двоих, и точка, и уж постараюсь, чтобы у них все-все было. Надо искать богатого мужа».

Можно сказать, что Розе повезло, ей на жизненном пути попался вполне благополучный Ильяс. У парня имелся собственный бизнес, он торговал подержанными автомобилями. Не олигарх, конечно, но особых проблем с деньгами Ильяс не имел, а еще он был высокий, очень красивый, смуглый, с бездонно-кариими глазами и мягко выющимися волосами. В придачу к симпатичной внешности Ильяс обладал ров-

ным характером, не пил, не курил, не ругался. Ясное дело, Роза с удовольствием согласилась стать его женой. И снова произошел вселенский скандал, Нина уперлась, словно норовистый ишак.

– Не дам благословения, – шипела она, – Ильяс не нашей веры, мусульманской. Грех за инородца замуж выходить.

Роза по привычке послушалась маму, отец к тому времени уже умер, и Нина получила полную власть над дочерью. Но Ильяс был настроен решительно, не слушая слабые возражения Розы, он пришел к будущей теще и сказал:

– Понимаю, почему вы против нашей женитьбы, одна остались, хотите Розу около себя в бесплатных сиделках держать. Только не выйдет, не надо нам вашего благословения.

Свадьбу играли в маленьком кафе, Ильяс подарил Розе красивое белое платье и фату, девушка ощутила себя абсолютно счастливой.

В самый разгар праздника в кафе вошла Нина.

– Мама, – бросилась к ней Роза.

Она наивно полагала, что мать сменила гнев на милость и явилась порадоваться за дочку. Но как она ошибалась!

Нина вскинула вверх правую руку.

– Проклинаю тебя, ты предала нашу веру!

Роза попятилась, притихшие гости присмирели, а Нина выхватила из сумки пузырек с зеленкой и, выплеснув его на платье невесты, припечатала:

– Чтоб тебе счастья не видать!

Роза остолбенела, гости, присутствовавшие при отвратительной сцене, замерли, не растерялся лишь один Ильяс.

– Ну спасибо, тещенька, – радостно закричал он, – зелень – это к богатству, и вообще, цвет ислама. Ну угодила, ну уважила!

После этого жених подмигнул музыкантам, те схватились за инструменты, а Ильяс закружил в танце трясущуюся в ознобе Розу.

– Забудь, – шептал он на ушко молодой жене, – выкинь из головы.

– Хорошо, милый, – покорно согласилась Роза, но в душе у нее ежом ворочался испуг.

Ох, не будет им ни счастья, ни радости, материнское проклятье самое страшное.

Больше Роза с Ниной не виделась. Первый год она прожила с Ильясом словно в раю, муж баловал жену как мог, а когда Роза объявила о своей беременности, и вовсе потерял голову. Еще больше он обрадовался, когда на свет появилась двойня.

– Даже хотеть больше нечего! – воскликнул Ильяс, привезя домой супругу с детками. – Все имеем!

Роза только поежилась.

– Ой, не надо так говорить, счастье сглазишь.

– Ерунда, – засмеялся Ильяс, – не верю я в приметы.

Через два месяца после рождения внуков свекровь Розы, ставшая ее настоящей матерью, внезапно скончалась от сер-

дечного приступа. Не успел Ильяс похоронить Фатиму, как приключилась новая беда: на его бизнес наехали налоговики, нашли какие-то неправильно оформленные бумаги. В результате Ильясу, чтобы не попасть в тюрьму, пришлось срочно раздавать нешуточные взятки, столько денег, сколько запросили жадные людишки, у Башметова не имелось, он влез в долги и был вынужден потом продать дело.

В конце года Ильяс стал почти нищим. Решив не сдаваться, он продал свою большую квартиру, новенькую иномарку, купил для семьи скромную двушку и подержанные «Жигули». Разницу Башметов пустил в оборот, надеясь снова стать хозяином дела. Но, видно, проклятье Нины не потеряло своей силы, очень скоро Ильяс разорился во второй раз.

Для Башметовых наступили суровые времена. Двойняшкам требовалась еда и одежда, поэтому Ильяс начал подрабатывать извозом, а Роза пошла служить нянечкой в детсад. Место показалось ей очень выгодным, зарплата, правда, копеечная, но детей сотрудников в учреждении держали бесплатно, и на еду тратиться не приходилось. Частенько Роза приносила Ильясу котлеты, рыбу и булочки, от которых отказались избалованные дети.

Коллегам по работе Роза о себе ничего не рассказывала и ни с кем особо дружить не собиралась. Приходила на службу, молчком мыла полы, а вечером, подхватив детей, отправлялась домой. Еще одним плюсом в отношении садика было то, что они жили рядом с ним.

Через год после того, как Роза устроилась на службу, одна из воспитательниц, улыбчивая, кокетливая Ася Локтева, сказала ей:

– Видно, ты знавала лучшие времена.

Роза равнодушно пожала плечами:

– Все так живут, то хорошо, то плохо!

– Но не у всех имеются красивые бриллиантовые сережки, – отметила Ася.

Роза потрогала уши.

– Это подарок свекрови на свадьбу.

– Очень элегантные, – пробормотала Ася, – видно, не современной работы.

– Фатима их в наследство получила, – пояснила Роза, – от бабушки ей достались.

– Продай их мне! – воскликнула Ася. – Давно такие хотела, да найти не могла!

– Ишь чего захотела, – отшатнулась Роза, – ни за что.

– Отдай, хорошо заплачу.

– Нет, нет, я серьги от свекрови получила.

– Новые преподнесет, – настаивала Ася, – ну не последнее же она тебе отдала! Ты вот чего, скажи ей, бандит напал и из ушей выдрал! Чего молчишь? Так многие поступают! Получишь крупную сумму, оставишь себе, а свекровка еще брюлики отстегнет.

– Фатима умерла.

– Тем более! Теперь точно не узнает ничего.

– Ни за что, – отрезала Роза, – никогда с серьгами не расстанусь!

– Не зарекайся, – предостерегла ее Ася, – ладно, сейчас не желаешь, и не надо, но пообещай, что если надумаешь от украшений избавиться, то ко мне первой придешь.

– Ладно, – кивнула Роза, хотевшая как можно быстрее завершить тягостную беседу.

Башметова не собиралась продавать серьги Фатимы, единственную по-настоящему ценную вещь, оставшуюся от любимой свекрови.

Но человек предполагает, а господь располагает. Спустя месяц после того разговора Ильяс попал в аварию, хорошо, сам остался жив, но машина-кормилица ремонту не подлежала. Ася мучилась до лета, глядя, как супруг, мрачный, насупленный, валяется день-деньской на диване. Характер у Ильяса начал меняться не в лучшую сторону, теперь он покрикивал на жену и детей, «строил» их по любому поводу, не забывая указать:

– Я в доме хозяин, всем молчать!

Жили на зарплату Розы, плохо, бедно, питались тем, что она приносила из садика, но женщина, имевшая трудное детство, не унывала, а вот Ильяс, похоже, не выдержал испытания. Увидав первый раз мужа пьяным, Роза с ужасом поняла: надо срочно покупать машину, пусть супруг снова «бомбит» на дороге, а то еще алкоголиком станет.

Глава 9

Решив не советоваться с мужем (в конце концов, Фатима подарила серьги ей, а не сыну), Роза сказала Асе:

– Ты хотела сережки? Сколько дашь за них?

– Приперло? – радостно подскочила воспитательница.

– Да, – кивнула Роза.

– Чего так?

– Машину хочу купить.

– Зачем она тебе?

– Не себе, мужу, – сухо ответила Роза.

– Он сам не способен заработать? – ехидно осведомилась Ася. – Я видела его пару раз, такой красивый.

– Ильяс работу потерял и устроиться не может, – сказала чистую правду Роза, – да какая тебе разница! Берешь серьги?

– Ага, – кивнула Ася, – завтра бабки приволоку.

На следующий день Роза положила перед Ильясом пухлый конверт и сообщила о сделке.

Супруг сначала возмутился, потом заплакал и выдавил из себя:

– Прости, Розочка, я сделаю все, чтобы разбогатеть, куплю тебе новые цацки, еще лучше.

– Ничего мне не надо, – отмахнулась супруга, – иди за машиной.

Муж бросился в салон и стал обладателем «Жигулей».

Увидев радостное лицо Ильяса, Роза лишний раз убедилась в правильности своего поступка, но, наверное, Фатима, глядя с небес на землю, не одобрила невестку, или проклятье Нины оказалось слишком сильным, только автомобиль не прожил у Башметовых и месяца, его угнали лихие люди в тот момент, когда Ильяс помогал очередному клиенту оттащить домой только что купленный телевизор.

Вот когда Роза полной чашей хлебнула беды! Муж пил неделю, вынес из дома последние копейки, а когда протрезвел, то обвинил в произошедшем... жену.

– Зачем серьги продала? – орал Ильяс. – Вот сейчас бы они как пригодились! И вообще, не принеси ты тогда деньги, я бы автомобиль не купил, а его бы не украли. Во всем ты виновата, безголовая!

Роза молчала. Любая другая женщина нашла бы много слов в ответ, сумела бы поставить супруга на место, объяснить ему, что если он завел семью, то несет ответственность за ее членов, но Башметова предпочла плакать потихоньку, рыдать на глазах у мужа она боялась. На работе Роза забивалась в укромный уголок и горевала, но разве в коллективе, состоящем из любопытных кумушек, хоть что-либо может остаться незамеченным!

В начале весны, а точнее седьмого марта, накануне женского праздника, Розу оставили дежурной. Детей из садика полагалось забирать не позднее восьми вечера, но, как правило, два-три ребенка просиживали до девяти, а то и до де-

сяти часов. Их сводили из всех групп в одну, оставляли дежурную воспитательницу и няню. Роза, кстати, охотно задерживалась в садике. Во-первых, ей совершенно не хотелось идти домой, где ее ждал со скандалом Ильяс, а во-вторых, припозднившиеся родители, как правило, благодарили работницу рублем.

В тот день в паре с Розой оказалась Ася. Оставив детей играть, Локтева заглянула в чуланчик, где сидела Роза.

– Что-то твой муж на машине не ездит, – сказала она.

Няня уставилась на воспитательницу, а та как ни в чем не бывало продолжала:

– Бережет, что ли, колеса? Отчего за тобой никогда не придет?

– Чего кататься, – буркнула Роза, – в двух шагах отсюда живем.

– Все равно приятно.

– Сама дойду.

Ася прищурилась.

– А чего ревешь?

– Кто?

– Ты!

– Я?

– Ну не я же!

– И не думала плакать, – попыталась отбиться Роза, – аллергия у меня, весна на дворе.

Ася захихикала:

– Ага, повсюду снег, ничего пока не цветет. Кого другого обманывай, ты уже не первый день в чулан бегаешь и рыдаешь. Наши-то бабы языками мелют. Говорят, Ильяс тебе изменяет! Красивые мужики все потаскуны!

Роза хотела возмутиться, сказать: «Отвяжись, мой муж целыми днями сидит дома», – но неожиданно словно невидимая рука схватила няню за горло.

Башметова всхлипнула раз, другой, третий... Ася обняла ее.

– Эка беда! Наподдавай скотине как следует, живо уважать начнет!

И тут из Розы полился рассказ о ее несчастьях. Ася, забыв про брошенных детей, жадно слушала няню. Когда та наконец замолчала, Ася протянула:

– Ну, бывает всякое. А почему твой Ильяс на работу не пойдет?

Роза всхлипнула:

– Куда?

– Что он делать умеет?

– Машину водить.

– Можно шофером устроиться, – предложила Ася, – вон у меня сосед по подъезду какую-то шишку возит и очень доволен.

– Хорошее место так просто не найти, – повторила Роза не раз слышанный от Ильяса аргумент, – и потом, чего на чужого дядю работать, надо свое дело заиметь, а на него деньги

нужны.

Ася скривилась:

– По мне, так лучше хоть копейку домой приносить, чем на диване гнить!

Роза, державшая в голове те же мысли, снова разревелась в голос.

– Ладно, ладно, успокойся, – воскликнула Ася, – хочешь, одолжу тебе немного?

– Мне отдать не с чего, – промямлила Роза.

– Потом вернешь, – улыбнулась Ася и сунула няне в руку купюру.

С тех пор Роза частенько просила у Аси в долг, а та давала, и длилось такое положение полгода. В конце августа Роза, привыкнув ходить с ведром к источнику, осмелела и выпросила у Аси довольно большую сумму, Башметова мечтала хоть на недельку свозить детей в Крым.

Семь дней на юге пролетели словно счастливый сон, успевшая загореть Роза вышла на работу и столкнулась с Асей.

– Хорошо выглядишь, – сказала та, – понравилось на море?

Не подозревавшая ничего плохого, Башметова вытащила фотографии.

– Вот, смотри!

Ася пошуршала снимками.

– И Ильяс ездил?

– Как же иначе!

– Ну, ну, – протянула Ася, – оно, конечно, верно... Кстати, когда ты деньги вернешь?

Роза почувствовала себя как человек, внезапно налетевший на кирпичную стену.

– Деньги? – растерянно переспросила она.

– Ага, – кивнула Ася, – баксы, доллары. А хочешь, рублями по курсу, я, в общем-то, не капризная. Ты помнишь, сколько мне должна?

– До копейки сейчас не назову, – прошептала Роза, – дома записано.

– У меня тоже отмечено, – кивнула Ася, – верни не позже десятого.

– Денег нет, – прошептала Роза.

– Зачем тогда на юг ездила?

Роза молчала.

– И мужа с собой таскала, – наседала Ася, – неужели полагала, что я тебе просто так деньги дарю? Погуляла ты, возвращать пора.

По щекам Розы потекли слезы.

– Дай мне сроку месяц.

– Нет, срочно принеси.

– Где же взять?

– Ну, это не моя забота, – пожала плечами Ася и ушла.

Следующая неделя оказалась чуть ли не самой тяжелой в жизни Розы. Продать ей было нечего, подруг, способных ее

выручить, Башметова не имела, а Ильяс вместо того, чтобы вместе с супругой искать выход из непростого положения, принялся орать:

– За фигом на море каталась? И вообще, нужно по одежке протягивать ножки! Другие живут на зарплату, и ничего, а у тебя рубли между пальцев текут.

И это было правдой, при почти полной нищете Роза ухитрялась баловать своих деток, весьма неразумно покупая им игрушки и сладости.

Десятого числа Ася, проходя мимо Розы, шепнула:

– Вечером надо встретиться, приходи в кафе «Лисички», ну то, что у метро.

Испуганная Башметова прибежала на свидание, села за столик и, собравшись с духом, заявила:

– Делай со мной что хочешь, но денег я не добыла!

– Поняла уже, – кивнула Ася, – и хочу тебе помочь.

– Ой, – воскликнула Роза, – больше я у тебя ни копейки не возьму, и так в кабалу попала.

– Скажи, твой муж здоров? – неожиданно поинтересовалась Ася. – Чего дома сидит? Больной, или ему работать лень?

– Ильяс не лентяй, – бросилась защищать супруга Роза.

– Значит, больной! Жаль, – протянула Ася.

– Да здоровый он! – воскликнула Роза. – ...Просто места в жизни найти не может и...

– На обследование он пойдет? – перебила ее Ася.

– Какое? – изумилась Роза.

Ася спокойно ответила:

– Медицинское.

– Зачем?

– Я нашла Ильясу работу, весьма необременительную, всего пару раз в месяц с дивана встать придется. Правда, служба непостоянная, недолгая, но он получит либо машину новую, либо домик в Подмосковье.

– Лучше дачу! – воскликнула Роза. – Ее сдавать можно, да и самим будет где летом жить! А делать-то что надо?

– В сущности, ничего, – заулыбалась Ася, – ты только выслушай меня спокойно, не кричи раньше времени: «Не разрешу мужу таким делом заниматься».

– Если честно служить надо, то я на все согласна, – с жаром заявила Роза, – лишь бы деньги получал!

– Очень хорошо, – кивнула Локтева. – Разумная позиция! Значит, так.

По мере того, как ситуация прояснялась, у Розы начало стучать в висках. О подобном занятии она не могла и подумать, Башметова была не способна даже предположить, какую работу Ася нашла для Ильяса.

Коротко суть ее предложения выглядела так. У Аси есть подруга, вполне симпатичная женщина по имени Лиля. Лилечка очень хочет выйти замуж, и кавалер у нее имеется, достаточно обеспеченный дядечка по имени Виктор. Одна беда – избранник женат. Единственная возможность для Лили за-

получить в свое полное распоряжение Виктора – это родить от него ребенка. Его жена Марина так и не сумела сделать мужа отцом, а Виктор мечтает о сыне, впрочем, согласится он и на дочку. Поразмыслив над ситуацией, Лиля перестала предохраняться, но вот уж год как она тщетно пытается забеременеть. В свое время Виктор ходил вместе с законной женой к врачу и получил на руки бумагу, в которой черным по белому написано: он здоров, проблемы у Марины. Лиля, втайне сходяв к гинекологу, выяснила – она способна стать матерью, но некто на небесах, очевидно, решил, что от Виктора ей детей не иметь! И теперь Ася, совершенно не смущаясь, предлагала Розе:

– Пусть твой Ильяс Лиле ребеночка сделает. Виктор темноволосый, кареглазый, смуглый, твой муж такой же, никто плохого не заподозрит, все отлично уладится. Вы получите домик, у Лили дача от родителей осталась, будете ее сдавать.

– Нет! – закричала Роза. – Как тебе подобное в голову пришло!

– А что? – пожала плечами Ася. – Нормальный бизнес, если твой Ильяс ничего не может руками и головой, пусть поработает другим местом. Кстати, долг я спишу подчистую, поможешь Лиле – ничего мне отдавать не надо.

– Не смогу я Ильясу такое предложение сделать, – прошептала Роза, – он меня убьет.

– Ошибаешься, дорогая, – засмеялась Ася, – а давай его сюда позовем.

– Нет!

– Почему?

– Ну, нет!

– Ты против?

Роза растерянно молчала, Ася сунула Башметовой в ладонь свой мобильный.

– Давай, не тормози!

И дело завертелось. Лиля потребовала от Ильяса пройти полное медицинское обследование, и через несколько месяцев Башметов получил дачу, небольшой домик в старом подмосковном поселке. Роза, справившись с ревностью, успокоилась. Лиля не собиралась вешаться на шею Ильясу, она благополучно вышла замуж за Виктора и стала жить счастливо.

Через полгода Ильяс купил машину, новенькую «японку», не самую дорогую, но и не очень дешевую. Когда муж с гордостью продемонстрировал приобретение, Роза насторожилась.

– Где деньги взял?

– Заработал, – коротко бросил супруг.

Вот тут Башметова испугалась по-настоящему и шепнула:

– Каким же образом? Ты целыми днями дома сидел.

– Не твое дело, – буркнул Ильяс, – не украл! Честно получил, замолчи и радуйся. Больше в квартире сидеть не стану, снова извозом займусь!

Но Роза, тихая, молчаливая, безответная, устроила муженьку такой скандал, что он в конце концов был вынужден

сказать правду.

– Ася нашла мне еще одну клиентку, ей муж условие поставил: либо рожай ребенка, либо уходи из дома.

Роза чуть не упала.

– Ты мне изменяешь!

– Вовсе нет, – ответил муж, – никакой любви, это такая работа!

На следующий день Ася, встретив в садике Розу, очень спокойно сказала:

– Не ревнуй Ильяса, у мужиков с этим делом просто, а платят хорошо, я еще заказы найду.

Роза замолчала.

– То есть твой муж... – осторожно начала я.

– Да, – быстро закончила Роза, – правильно, именно так.

Нас с ним ситуация устраивала, главное, дети сыты и одеты. Вообще-то, мы на дом копили, хотели в Подмосковье небольшой особняк приобрести, с удобствами. Эту квартиру продать и начать свой бизнес.

– Какой же?

– Организовать маленький детский садик, – упоенно воскликнула Башметова, – так называемый семейный вариант, четверо, максимум пятеро ребятишек. Только все наши заказы через Асю шли, она Ильясу клиенток находила, без Локтевой бизнес лопнул. Конечно, теперь у нас положение лучше, чем раньше, дачку сдаем, машину имеем, поднакопили кой-чего, но с мечтой расставаться придется. Понима-

ешь теперь, что я ни при чем! От Аси наши деньги зависели, кто же убивает курицу, которая несет золотые яйца?

Я кивнула:

– Действительно, нелогично.

– Вот видишь, – повеселела Роза.

– А где сейчас твой муж?

– На дороге «бомбит», – горестно сообщила Башметова. – Мы вот с ним надеемся, может, удастся все же, не трогая запас, прожить? Ступай домой, мы Асе зла не делали, в другом месте ищи!

– Какое? – в задумчивости протянула я.

Роза хмыкнула:

– Разные заказчицы от Аси поступали, у кого-то от мужа не получалось забеременеть, кто-то жениха к себе привязать думал, ну а кто-то, как Лиля, на чужого мужика позарился. Полагаешь, бывшие жены легко успокоились? Вполне вероятно, что одна из них Асе отомстить надумала!

Я с уважением посмотрела на Розу, самой в голову приходили подобные мысли.

– Когда Ильяс вернется?

– Не знаю, вечером, а зачем он тебе?

– Нам поговорить надо.

– Ой, – испугалась Башметова, – оставь нас в покое! Ильяс дико обозлится, если узнает, что я чужому человеку правду разболтала, он мне молчать велел.

– Хорошо, – согласилась я, – понимаю тебя. Но если не

хочешь моего общения с Ильясом, сама порасспрашивай мужа и узнай, скольких женщин он осчастливил за последнее время.

– Он мне не скажет, – прошептала Роза, – мы на эту тему не беседуем.

Я развела руками.

– Либо ты допрашиваешь супруга, либо это делаю я. И времени нету, сведения нужны завтра с утра, ясно?

– Ага, – кивнула Роза, – попытаюсь.

– Уж постарайся, иначе я сама займусь этим делом.

– Не надо, не надо.

– Значит, до завтра. Кстати, какой у вас телефон?

– Зачем он тебе? – окончательно испугалась Роза.

– Позвонить и узнать список клиенток Ильеса.

– Ну пиши, впрочем, лучше приходи в садик, – понуро ответила Башметова, – после полудня. Ильяс дома по утрам, еще услышит ненароком, не сносить мне головы тогда.

– Хорошо, – кивнула я, – так и быть, завтра ровно в полдень я загляну в садик. Но имей в виду, просто перечень имен и фамилий меня не устроит.

– Что же тебе надо?

– Еще адреса или номера телефонов!

– Ой!

– Не сумеешь, придется мне самой узнать их у твоего мужа.

– Сделаю все, – затараторила Роза, – вытащу из Ильеса

необходимое, только потом ты оставишь нас в покое?

– Стопроцентно, – пообещала я и ушла.

Глава 10

На улице похолодало, «каша» на тротуаре превратилась в каток. Я осторожно побрела в сторону метро. Конечно, каждый из нас на протяжении жизни хоть раз да и испытывал материальные затруднения. И вовсе не у всех были умные, понимающие родители, кое-кому не повезло с рождения, но каждый находит свой путь выхода из тупиковой ситуации. Один безропотно покоряется обстоятельствам, плачет, ноет, жалуется, другой пытается выплыть, третий винит в неудачах свою семью. Подчас людям в голову приходят совсем уж нетривиальные решения, но о том, чтобы сдавать мужа в аренду, я слышу впервые. Интересно, что бы я сказала Олегу, приди Куприну в голову подобная затея? И почему мы с Олегом в последнее время стали ссориться? Может, у нас кризис брака? Говорят, он регулярно случается у семейных людей. И зачем вообще люди живут вместе? Почему сбиваются в пары? В древние времена требовалось выжить в суровом мире, убить дичь на обед, короче говоря, преодолевать бытовые проблемы. Сейчас-то, в век научно-технического прогресса, зачем двое живут вместе? Впрочем, мы уже врозь.

Я остановилась у лотка и стала обозревать новинки, зависть одолела меня. Да уж, пока госпожа Тараканова пытается решить философские проблемы, Устинова, Маринина

и Куликова не дремлют, они спокойно пишут книги. А это чья новинка? Ба, Смолякова! Снова выпустила роман.

– Дайте-ка мне вон те книжки, – попросила я, роясь в кошельке, – впрочем, все я не потяну, лучше одну Смолякову.

Шмыгающая носом лоточница подала мне томик в яркой обложке, я сунула детектив под мышку и нырнула в подземку. Ладно, не стану сейчас терзать себя. Все, что ни происходит, делается к лучшему, во всяком случае, в отношении меня данное правило срабатывает на сто процентов. Арина Виолова более не нужна «Марко»? Но ведь в Москве существует не одно издательство, где-нибудь да пригожусь. Олег решил развестись со мной? Пусть сначала поживет без меня, ох, тяжело ему придется. И дело даже не в бытовых сложностях, их возьмет на себя Томочка. Кому Олег станет изливать душу? Кто будет выслушивать его, сочувствовать? Кстати, Куприну, наверное, сейчас уже плохо!

Я прижалась к двери несущегося сквозь мрак вагона. Зависть испарилась, теперь ее место заняла жалость. Нет, я дура! Взяла и закусил удила, Олег небось мучается, надо позвонить ему. Стоп, у него теперь есть крыса Лена. И вообще, каково мне сейчас возвращаться домой? Приползу, словно побитая собачонка, неудачливая писательница!

На глаза набежали слезы, я обозлилась и что есть силы топнула ногой: не рыдать! Не рыдать!

– Девушка, – укоризненно спросил стоявший рядом прилично одетый мужчина, – у вас болезнь Паркинсона?

– Отчего вам в голову пришла такая глупость? – удивилась я.

– Бьете меня уже третий перегон подряд, – заявил он, – то рукой толкали, потом ногой колотить начали!

– Простите, – быстро сказала я и, протиснувшись сквозь толпу, выбралась на платформу.

Эскалатор вынес меня наверх, на улице стало еще холодней, поплотней запахнувшись в куртку, я побежала по тротуару, поскользнулась и со всего размаха шлепнулась на пятую точку. В ту же секунду к горлу подступило настоящее отчаяние. Боже мой, как мне не везет! Бедная я, несчастная, вон сколько прохожих вокруг, а свалиться ухитрилась одна Вилка!

Внезапно мягкий, интеллигентный голос проворковал:

– Девушка, что же вы так неаккуратно!

Симпатичный мужчина, тот самый, сделавший мне замечание в вагоне, протягивал руку.

– Вставайте, милая, так и простудиться недолго.

Преисполненная благодарности к доброму самаритянину, я вцепилась в крепкую ладонь.

– Спасибо.

– Не за что, дорогая. Ну как же вы так неосторожно, давайте курточку сзади отряхну.

Я почувствовала к незнакомцу почти любовь, а он, стряхивая с меня снег, мирно продолжал:

– Ну надо же! Возраст уже не юный! Нельзя быть такой

неловкой клячей!

– Неловкой клячей? – повторила я. – Неловкой клячей не в юном возрасте?

– Увы, – вздохнул дядечка, – жизнь проходит, впереди смерть! Все течет, все изменяется, все там будем!

Сделав сие оптимистичное замечание, прохожий стряхнул со своих перчаток комочки налипшей грязи и был таков. Я осталась переживать ситуацию, подкатившие к глазам слезы высохли, жалость к самой себе испарилась без следа. Кляча! Неловкая кляча! Все там будем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.